

ПАДЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ВЕТРА

I

Падение
Глухих

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Рикки Касс Энн

Падение Восточного Ветра

Рикки Касс Энн

Падение Глухих

«Автор»

2026

Касс Энн Р.

Падение Глухих / Р. Касс Энн — «Автор», 2026 — (Падение Восточного Ветра)

Имя ей Кассиопея, наследница Королевства Немых. Но в одну страшную ночь брат короля организовал переворот, отнял у неё родителей и трон. Наутро из дворца вывезли три гроба, и особенно печалил подданных маленький ящик: неизвестные заговорщики не пощадили даже малышку! Но Касс почему-то не убили, а заточили в башню Каф. Сын Алхимика и страж, Фиц обещал, но так и не вернулся за ней. Предатель. Еще один. Восемь лет она ждала случая сбежать. Помогли руны, что дала служанка. Та её не боялась, тогда как всякий обитатель замка видел в девочке чудовище: с одиннадцати лет Касс прекрасно знала, кто она. С той ночи, когда закапала дворцовые ковры багряными слезами. Ведьма. На улицах Нор-Бона Касс встречает Фицджеральда. Кого уже давно ненавидит. Кто учил биться на мечах, кто был ближе всех! Она была ребёнком... и ничего не смыслила в человеческих пороках. Нет, ну надо же! Он не узнал её! Выросла, да... Ладно, принцесса же умерла, вот и пусть дальше так думает. Доверять она будет лишь рунам.

© Касс Энн Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Два кусочка бананового пирога и шоколадный пряник	5
Глава 2. За таких выходят замуж... ну, лет через десять примерно	13
Глава 3. Бесчувственная, как мама	21
Глава 4. Свинцовый рисунок	27
Глава 5. Багровые слёзы	33
Глава 6. Моя пешка в башне Каф	41
Глава 7. Сила мертвеца	46
Глава 8. По-моему, ты выглядишь мертвой	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Рикки Касс Энн

Падение Глухих

Глава 1. Два кусочка бананового пирога и шоколадный пряник

За год до кровопролития и свержения короля Максайма.

Моя мать чудовище.

— Кассиопея, встань рядом. — Руки матери пододвинули меня и с грациозной мягкостью опустили мне на плечи.

Она всегда была ко мне строга и вряд ли когда-нибудь смотрела на меня с нежностью, как всякая другая мать смотрит на своё прекрасное дитя. Ни прекрасной, ни чудесной я для неё никогда не была. Ни талантливой, ни достаточно хорошей в роли королевской дочери.

Ни разумной.

— Теперь понимаешь, как нужно было поступить? — Королева устало вздохнула над моей головой, но не её разочарование пустило дрожь по моему телу.

Я не умела быть безжалостной, как она. И в этом она видела мою слабость и упорно ее выжигала во мне. И сейчас меня тошнило, но она заставляла меня смотреть на стаю голодных ворон, напавших с таким ужасающим остервенением на свой ужин.

Тёмные вороны — страшные существа.

Раньше я не испытывала к ним ничего. Вообще не замечала. Даже не знала, что мать нарочно держит их без еды в Каменной Могиле — камерной комнате с закрытыми ставнями и с железной дверью, в которые птицы долбят клювами как дятлы, с ума сходя от того, что их не кормят днями, даже не часами.

— Почему я не слышу тебя? Онемела? — в её голосе чувствовался холод. — Этой отговоркой тебе не удастся уклониться от ответа. Ты моя дочь, а значит, можешь говорить.

Я спиной чувствовала её величие. И не могла сдвинуться с места. Убежать. Не видеть. Там, где королева, одни марионетки. Безвольные и испуганные.

Час назад моего единственного друга поймала королевская стража, и тут же её величество приговорила его. Она знала, что он много для меня значит. Но ей не нравилось, что я вожусь с таким, как он. Иссак был беспризорником, у него не было родителей или дома. У него была только я. Но я не смогла его спасти от гнева моей собственной матери.

Одиннадцатилетнего мальчика отдали на растерзание хищным птицам только потому, что он дружил с наследной принцессой. И то, что он влез ранним утром на кухню за ничтожным ломтиком хлеба и козьего сыра, тут на самом деле ни при чём. Вот только это стало поводом для казни.

Что же ты, Иссак, не дождался меня? Я бы сама тебе вынесла из кухни всё вкусное, что там было, и самое лучшее, что подавали этим отвратительным утром на завтрак.

Суп из крольчатины и медовые пряники из меня просились наружу. *Я с трудом проглатываю их обратно. Во рту горчит. Противно.*

Одна из ворон перескочила на бескровную щеку Иссака, потопталась на месте черными корявыми «куриными ножками» и потянулась своим жутким клювом к глазу мальчика. В этот момент я не выдержала и прикрыла веки.

Почему ты полез? Я же просила... я же говорила... Твоя чрезмерная смелость привела тебя к такой страшной смерти. Твоя ловкость в этот раз тебя подвела. А твое дерзновение стало ещё одним для меня жестоким уроком от королевы Лоа.

Моя боль началась с ужасной сцены. Агатовые вороны... теперь я их ненавижу. Они перегрызли моего друга, как самые настоящие дикие звери.

А мама, вместо того чтобы успокоить мои слёзы, ругала меня:

— Видишь, что бывает, когда ты меня не слушаешься? — Она спокойно и даже с элегантным изяществом глядела с мостика над тайной площадью на обездвиженное тело и стервятников, окруживших его. — Я тебе сколько раз говорила, чтобы ты прогнала его отсюда?

У меня дрожали губы. От ненависти к ней, от несправедливости, от одиночества.

— Но он продолжал ходить к тебе. Если бы ты не была такой неженкой и эгоисткой, этот мальчик сейчас был бы жив, — в её голосе не было ни жалости, ни теплоты.

— Он мой лучший друг, — прошептала я, стараясь не закричать. Но крик в горле всё усиливался и ломал плоть изнутри.

— Не друг он тебе! — Её величество резко повернула ко мне голову, развернула к себе лицом, отпустила плечи и сурово посмотрела в глаза. — Нельзя принцессе заводить таких оборванцев-друзей. И ты это знаешь, — прошипела она, взяв за воротник моего пальто и встряхнув одной рукой; капюшон слетел с моей головы, и холод ударил по ушам.

С виду моя мать прелестная дама, очень красивая, но силы в ней как у самого опытного воина. Или вампира... которые вымерли очень давно. Я едва устояла на ногах.

— Мне пришлось избавиться от мальчонки. И показать, что значит быть королевой. Ведь это и тебя ждёт.

— Я тебя ненавижу! — наконец заорала я, когда она убрала утончённую руку, и убежала от неё.

Стуча башмаками по деревянному настилу н-образного мостика¹ и больше не смотря вниз, на Птичий двор, я перебежала центральный мост, отворила дверь под аркой и влетела в тёплый коридор дворца. Но меня бил чудовищный холод, я тряслась и выла. Не отвечала стражникам, которые кланялись при виде меня, бежала, путалась в бесподобно богатом плаще из синего бархата и шерсти, едва не падая, пока не сбила кого-то с ног.

Я увернулась. А вот она нет, приземлилась на мягкую попу.

— Несносная девчонка! — крикнула вдогонку мне строгая гувернантка.

Не нравилась мне она, ко всему придиралась и за успехи не хвалила. Критиковала мою каллиграфию, мои отстающие способности в общих науках и всегда шла жаловаться на меня маме. Мной гордилась только тетя, и сейчас утешить меня своим объятием могла только она.

Но, добравшись до лестницы, я спустилась на самый нижний этаж: голос отца, доносившийся совсем рядом, вынудил повернуть на первом этаже и рассеянно помчаться вниз. Его величество я ненавижу не меньше. Он любит чудовище, ему нет оправдания.

Не хотелось его видеть. Он ничего не сделал, чтобы помешать маме. Знал о всех её проделках и все равно не хотел видеть рядом с собой иной королевы, он мог бы выбрать себе любую высокородную женщину в жены, и я бы этому только обрадовалась, ведь всякая мачеха лучше той, что приходится мне родной матерью.

Отец тоже злой. Добрый человек выбирает только добрых.

Я встала перед незнакомой дверью, уверенная, что поверну назад, как только король Максимум миновал бы коридор: он не видел меня и не должен знать, что я здесь. Взмах ресниц уронил ещё одну слезинку мне на лицо, я шмыгнула в последний раз, и вокруг стало совсем уж тихо. Клянусь, рука сама поднялась вверх.

¹ Площадка на возвышении. Мостики по архитектуре схожи с внутренним двором Форты Бойяр во Франции.

Слышала об этом месте, но никто и никогда не приводил меня сюда. Даже не надеялась, что дверь не будет заперта, но та тихонько отъехала от моей ладони и стукнулась о стену.

Колебалась я недолго, сзади послышались новые голоса, и я забежала внутрь. Торопливо прыгнула с высокой ступени и затаилась за углом. Пахло сыростью и не очень хорошими запахами.

— Я слышал, та ржавая цепь наконец поддалась, и проход со двора Церберов открыли, — до ушей донесся веселый голос.

Я оглянулась. Подземелье за моей спиной тянулось так далеко, что очень пугало: сколько же заключенных королева тут держит?

Так много тяжелых дверей с железными кольями и грубыми коваными петлями.

В какую же сторону пойдут шаги? Впереди были такие же длинные полутемные коридоры: один прямо от меня, другой шёл влево. Я молилась, чтобы меня не заметили, а для этого им нельзя было свернуть налево.

Тюремщики тем временем что-то обсуждали.

— Не безопасно это, держать их здесь, — ворчал с досадой один, шумно возясь у двери; второй его поджидал. — Они совершили тяжкое преступление, от них не жди предсказуемости. А вдруг что случится?

Судя по звукам, он повесил замок. Как же я выберусь отсюда?

Нет, мне нельзя попадаться. Или меня снова накажут. Все эти воины подчиняются моей маме, они *всё*докладывают.

Я вытерла рукавом сопливый нос и постаралась вжаться в стену. Камни в ней были бугристые, неровные и местами обросшие зеленым мхом. А еще они блестели, будто влажные. Виной ли тому водный канал, проходящий на границе восточной стены замка, я ответить затруднялась, но дворцовая стена с той стороны частенько покрывалась плесенью, которую время от времени отмывали слуги, а мама грозилась выкинуть их на улицу за то, что те отлынивали и не могли до конца избавиться от этой грибной прели.

— Да как им справиться против нас? — беспечно отвечал второй. — На территории замка сто десять обученных гвардейцев. Слышал, даже пару новеньких вчера к нам поступило. Лучшие ученики академии! Никто не допустит подобных происшествий. Напрасно беспокоиться, Гван! Пустое!

— Если бы не внезапно начавшийся мор в форте Сет-Йен, замок не принял бы убийц, — размышлял мрачно старший надзиратель.

— Черная оспа это тебе не шутки. Моя бы воля, оставил бы их там подыхать, — насмешливо заявлял молодой тюремщик.

Они спускались. Грузные шаги гулко стучали по ступеням.

— Что ты говоришь? — отвлекся от своих мыслей его товарищ. — Они же люди.

— Люди? Не говори, что в самом деле их такими считаешь. *Люди* не убивают людей. Они не *люди*, — повторил он жёстко, став сам на себя не похож.

Слышались тяжесть сапог тренированных солдат и шуршание их форменного мундира.

— Поживешь, малец, с моё, поймешь, что убийцами не каждый по своей воле становится.

— А по чьей же ещё? Гван, ты святой отец? Али нет, не меняй моих убеждений! Я знаю цену человеческой жизни, что ещё ты хочешь от меня? Чтобы я пожалел узников?

О чём они говорят?

— Да не пожалеть я тебя их прошу. Только не рубить сгоряча. Опасно такими мыслями жить, Керас. Опасно. Сам не заметишь, как повторишь их судьбу. Не забывай, среди наших заключенных есть и те, кто был на твоём месте и вовремя не остановился.

— О чем это ты? — гвардеец пришел в недоумение, как и я.

— Да о том, — бросил мужчина печально. — Когда-то работал я с одним напарником, не посчастливилось ему сторожить изменщика, которого на то время к важному допросу гото-

вили. Вспылил и... переборщил. Ну ты сам, думаю, понимаешь, как это важно было для страны — сохранить ему жизнь.

О чем бы ни говорили, это не было так важно. Я с облегчением вздохнула, когда они повернули направо.

— Не знал, что и так бывает, — растерянно отозвался Керас.

— Вот. Поэтому говорю тебе, осторожным будь. Держись, как бы преступники тебя не провоцировали.

— И... его посадили? Король не пощадил его?

— Арестовали, а как ты думал?

— Но как можно... Ах! Это ж его они...

— О том я тебе и толкую, — продолжал негромко его старший сослуживец. — То, что подозреваемый не дождал до допроса, вызывает домыслы, нехорошую смуту и сомнения в верности охраны.

— Где он сейчас? Здесь? Ты его видел?

— Не довелось. Из форта его могли перевести и в Бортенхэш. Часть арестантов отправили туда, часть к нам.

— А чего не в замок Лув-Йен? Он ближе.

— Наверяд ли туда. Там тюрьмы, говорят, переполнены еще с прошлой весны.

Они ушли дальше, и голосов стало не слышно.

Но оказалось, это тюремщики резко замолчали, потому что тот, что постарше, вскоре снова произнес:

— Одного понять не могу, каким образом эта черная зараза в Сет-Йен проникла?

— Последний заключенный болел оспой? Не доглядели? — предположил парень, поправил ножны на поясе.

— Странно, тамошний начальник тюрьмы зять мой славный. По его словам, к ним новых арестантов не привозили.

Скрип двери, навстречу к ним вышел еще один высокий гвардеец.

Как-то оживленно сегодня у них.

Потом все трое встали в оборонительную стойку на участке коридора от одной двери к противоположной — метра три приблизительно. Опустили правую руку к своему мечу, готовые в любой момент им воспользоваться.

Я смахнула волосы с лица и, больше не шевелясь, стала выжидать каких-то действий.

Мужчины говорили о заключенных: они ждут их?

Почему их перевозят сюда? А если они разнесут заразу по дворцу?

Нет-нет, больных бы не стали здесь размещать. Наоборот, гвардейцы вовремя увезли тех, до кого болезнь еще не добралась. Половину тюрьмы? А остальная? Военные оставили зараженных и тех, кто находился к ним близко, умирать?

Моя мама оставила бы всех.

Наверное, принимал решение всё же отец.

В этот момент внешняя дверь отворилась наружу, и в коридор шагнул первый, а затем и второй человек в кандалах. За ним третий. Этой шеренге не было конца.

Я высунулась, чтобы разглядеть их лучше. Чумазые лица, обросшие бороды и волосы, ободранные одежды. Они были без обуви, и их ступни оставляли грязный след. Узники лениво шагали в другую дверь, которая вела их в камеры.

Внезапно один из них остановился посреди коридора и посмотрел в мою сторону. Я от испуга открыла рот, но вместо вскрика, к счастью, услышала только свой резкий безголосый вдох.

Было страшно от его пристального взгляда, но я не могла перестать смотреть ему в лицо.

— Пошёл! — Молодой Керас толкнул пленника в спину. — Что встал? Шагай, везунчик! Не забрала тебя оспа на тот свет, будь благодарен тому, что тебя приютила сама королевская семья. Или ты рассчитывал на пышные апартаменты? — при этих словах парень засмеялся и подтолкнул того в спину посильнее.

Но сделав неуклюжий шаг вперед, заключенный опять встал. Его глаза по-прежнему глядели на меня и будто смеялись. Ему не было дела до слов младшего тюремщика, он поднял свои руки в железных браслетах и цепях и с нарочитой неспешностью провёл большим пальцем поперек измазанной мокрой пылью шеи.

«Тебе конец, отпрыск королевский».

А потом его тонкие губы медленно растянулись.

Я отшатнулась. Спряталась от этой злорадной, глумливой улыбки. Что я ему сделала?

Я с новой силой заплакала, но старалась не издать ни звука. Пришлось зажать рот ладошками.

В его глазах жило что-то нехорошее: они снисходительно смеялись надо мной, будто это меня, а не его вели в тюремных наручниках. Будто для *меня* было надежды.

— Ты там призрака увидел? Безумный что ли? — заметил с насмешкой гвардеец. — Ты погляди, погляди, как скалится. Душевнобольного изображает, думает, мы на это поведёмся и лучшую камеру ему определим.

Негодяя стукнули пару раз и наконец-то завели в то помещение, куда вошли остальные. Я еще долго стояла прижатой к стене, и холод от неё понемногу унял трусливые мысли и осушил мои слёзы. Когда в коридоре не оказалось никого, я осмелилась выйти на свет факела и побрела к выходу во внутренний двор. В двор Церберов — не в Птичий; хотя из него можно попасть и туда через длинный арочный проем.

Я не знала этого точно, но мне показалось, заключенных впускали именно со двора. Разумеется, та дверь ведет наружу. Или дверь, что была до неё. Я не знала архитектуры подземелья, но отлично помнила, что располагается прямо надо мной. И если открыть эту дверь... прямо за ней должна быть лестница, ведущая на поверхность? Нет, лестницы быть не должно. Я помню: во дворе каменные ступени спускались уже к железной двери, на которых всегда висел замок и огромная цепь из ржавого железа.

Чуть приоткрыв дверь, я слышала суровые голоса гвардейцев, которые прикрикивали на тюремных заключенных. Этих чумазых людей снова вели сюда. Просто нескончаемый поток!

Как же так? Куда спрятаться?

Я крутила головой и чувствовала, как бухает в груди сердце. Этот коридор такой длинный для моих маленьких ножек. Три секунды. У меня есть только три секунды. Две...

Мгновенно развернулась и вбежала в противоположную дверь, на которой не висело замка. Отдышалась и поняла, какая я дурочка. Нет, гвардейцев тут не оказалось, ни одного — но это была настоящая тюрьма с решетками по обеим сторонам и центральным проходом между ними. И этот коридор на самом деле не такой и большой, он ощущался тесным даже для маленькой десятилетней девочки. Всего восемь камер: четыре с одной и четыре с другой стороны. А за решетками люди. Потные, грязные, огромные мужчины. Убийцы. Они могли быть только ими. Не ворами, не... а за что еще их арестовывают?

Я вся сжалась.

На меня уставились острые, злые глаза, как *вороньибусинки*, черные и зеркальные. Тот, кому они принадлежали, навевал ужас. Он был уродлив. Не красив. Лицо было треугольным и несимметричным. Темные волосы прилипли к его бледной шее и щеке. Этот человек оттолкнулся от старой плиты в полу и, небрежно отряхивая ладони, поднялся. Затем начал медленно, мягкой поступью приближаться ко мне. Я осторожно ступила назад, подальше от него. Но всё равно не смогла довериться расстоянию между нами, когда на последнем шаге он сделал бешеный рывок, чтобы напасть.

Чтобы испугать меня.

Я поняла это, только когда отскочила, а он безумно расхохотался. Я забавляла его.

— Теперь она твоя, новый сосед, — махнул он рукой на кого-то и расслабленно присел на старый истресканный пол. — Развлеки меня, давай. Услышать не услышу, но с удовольствием погляжу.

— Не-ет! — дернулась я, но поздно.

За мой капюшон кто-то крепко держал. Он просунул вторую руку и резко дернул меня на решетку. Я больно стукнулась об неё левой лопаткой, правую слегка лишь задело. Я забилась в чужих руках, била по ним, царапала, закружилась влево, пытаюсь вырваться. Но он все равно меня не отпускал, поспевая продевать руки между прутьев, и ловил за абсурдно нелепый плащ, который мне мешал. Всё кричала и никак не могла отвязать брошь.

В какой-то момент, оказавшись к нему лицом, я с ужасом застыла. Он улыбался.

«Тебе конец».

Это тот безумец, который заметил меня в коридоре.

— Эй, ты... что задумал? Сидел бы в своем уголке... Эй, осторожней! — крикнул ему уродец за моей спиной, а в следующий момент кулак заключенного из второй в ряду камеры аккуратно прилетел по гримасе моего обидчика.

Не ожидавший подставы от второго своего соседа, немой потерял равновесие и выпустил мою руку.

— Извращуга паршивая, — прошипел обросший волосами узник сквозь толстые железные прутья разделяющей их решетки², а потом ловкими руками быстрее, чем я сообразила, переместил меня на свою территорию перед камерой, чтобы опять всё для меня повторилось.

Чтобы его сосед не достал до меня.

Вовремя. Решетка затряслась: по ней ударил тот человек. Он требовал что-то от того, кто его ударил, и явно был зол.

Я вжала голову в плечи и отвернулась от него. Посмотрела в другие глаза. Зеленые и, казалось, добрые; с морщинками то ли внимания, то ли и в самом деле улыбки.

Они будто говорили мне: "Не бойся, ему я тебя не отдам. Этот человек псих, но я не такой".

Мой спаситель аккуратно взял меня за плечи и спокойно заговорил со мной:

— Кто такая? Что здесь делаешь?

Он тоже умеет говорить. Видит. Но услышит ли он меня?

— Отпустите, — я попробовала отступить от него, и он мне это позволил.

— Вы слышите? — распахнула я в удивлении глаза.

— Я был немым, девочка. Но это долгая история. Кто ты, раз умеешь говорить?

— Касси, — обронила я, но быстро опомнилась: — Принцесса Кассиопея Белфа-Мерин³.

— Принцесса значит, — проговорил он медленно, потом отошел вглубь своей темницы, и контуры его лица скрылись в тенях темных стен. Узкое окно было высоко, и лучи солнца больше падали на проход, но не внутри камеры.

Там, где стояла я, в воздухе плавала утренняя пыль из света и базальтового песка. Выглядело красиво и таинственно.

Надо было уйти, это разумно, нянечка учила меня разумности, но мне было интересно поговорить с этим таинственным человеком, который на бессердечного убийцу похож не был, и я осталась.

² Треть перегородочной стены всех камер была из металлических прутьев, служила для общения; две трети — из камня, такая стена служила для уединения, к ней прилегал лежанка для безопасного сна.

³ Второе имя давалось не всем, только первым детям, и оно писалось через дефис с фамилией.

— И чья ты дочь? Максайма или Болдуина? — слышалось через минуту с дальнего конца камеры.

— Я дочь короля, — ответила я и стыдливо опустила веки.

— И безжалостной королевы, — договорил он за меня, в его голосе чувствовались нотки обращения. — Таки зачала, а говорили, бездетная супруга королю досталась.

— Да, к сожалению, я её дочь, — подтвердила хрипло.

Я заметила, как он обернулся, склонил голову набок: любопытный взгляд его уперся в меня. По всей видимости, искал на моём лице её черты, а я и вправду внешне была похожа на маму. Помолчав, он спросил снова:

— А кого ты любишь больше? Маму или отца?

— Тетю, — выдала я правду, не хотелось ему врать. Я не врунья. — Она любит меня.

— А родители что ли нет? Не любят единственное свое дитя? Как же так?

Я покачала головой:

— Не знаю.

Мужчина выступил из тени, с интересом шагнул ко мне:

— А что мама? Сурова?

И в этом вопросе мне почудилось всё: "Заставляет делать то, чего ты не хочешь? Наказывает и тебя, и друзей?"

У меня выступили слезы, я вспомнила сегодняшнее утро и Иссака.

— Эй, ты чего? — Он заметил перемены в моем лице и обеспокоенно нахмурил брови.

— Она сегодня убила моего лучшего друга, — выговорила я дрожащим голосом. — Вороны заклевали его. Она заставила смотре-е-еть.

Сказав это, я заревела. Заревела так сильно, что в темнице сразу всё остальное стихло. Буйные перестали бить по металлическим решеткам, а говорящие уродцы заткнулись.

— Твоя мама... бессердечна. — Больше он не нашёлся что сказать.

— Я просто хотела от всех спрятаться...

— И оказалась здесь, — закивал преступник понимающе. — Неужели охрана это допустила? С каких пор они ведут себя так безалаберно?

Кулачком протерла глаза и полезла в карман, развернула шелковый платок.

— Вот, — я продемонстрировала ему два кусочка бананового пирога и шоколадный пряник, — я несла это Иссаку.

Задержав растерянный взгляд на подношении, он с трудом перевел глаза на меня.

— Но сегодня его казнили, поймали на воровстве. У него совсем никого не было, он хотел есть.

— Ты пригрела бродягу? Вот чудачка! — Он потрепал меня по макушке, после заботливо пригладил темно-русые пряди и присел на корточки передо мной. — Ты чудесная девочка, такой же оставайся, хорошо? Не слушай свою мать. Она исповедует неправильные вещи.

— Ты знаешь, почему она меня не любит? — спросила я, с надеждой заглянув в его добрые глаза.

— Знаю, Касси, — он улыбнулся мне грустными губами, вокруг которых росла густая и длинная, почти черная борода. Он напоминал мне мудрого дедушку, хотя я знала, что он был молод. Просто у него не было слуг, которые бы побрили его. — Она любит лишь себя, а такие люди никого любить больше не способны. Твоей вины тут нет, Касси. Как бы ты ни старалась, заслужить её любовь у тебя не получится. Ни у кого не получится. Не надо это тебе, поняла?

Не надо. Я поняла.

Я неловко протянула ему через решетку руку с шелковым платком. Его брови поднялись.

— Это мне?

— Ты ведь тоже голодный.

Темница вновь зашумела. Я огляделась, все смотрели на банановый пирог в моей ладони, а кто-то облизывал даже свои сухие, потресканные губы. Но они не заслужили, они не были добры ко мне. Смеялись, когда тот ужасный человек схватил меня.

— Поешьте. Иссаку это больше не нужно, — горько шмыгнула я и попыталась улыбнуться так же, как и он мне до это.

Мужчина усмехнулся:

— Смотри, я ведь привыкну к такой еде и не смогу больше тюремную похлебку жевать. Он сомневался, брать или нет, и я у него спросила:

— А вы любите сладкие пироги?

— Любил когда-то. Уже забыл, какие они на вкус, — вздохнул он чуть грустно, глядя с тёплым прищуром на лакомство.

— Этот банановый. Берите. Завтра я еще принесу.

Он хмыкнул недоверчиво:

— На завтра и рассчитывать не буду, тебя скорее всего накажут и на дверях сто тысяч раз проверят замки, а сегодня с удовольствием угощусь.

Он забрал пирог и пряники, и я спрятала платок в карман. Еще пригодится.

— Ну, беги, — поторопил он меня. — Беги отсюда. Лучше бы тебя не тут нашли.

— Ага, — послушно кивнула я и в спешке споткнулась о каменный сучок на старом полу.

Я оглянулась на волосатого мужчину у меня за спиной, он следил за каждым моим движением.

— Поднимайся и иди, — велел он по-отцовски спокойно.

Голосом, которому я доверилась.

Так что я легко подскочила, невзирая на саднящие ладони. Раны были пустяковые. Он прав: это не так больно, можно и перетерпеть, каждый раз нужно *подниматься и идти*.

Чуть не забыла!

— Как тебя зовут? — задала я вопрос, уходя. — Ты так и не назвал мне свое имя.

— Элуф. Элуф Ховард.

Глава 2. За таких выходят замуж... ну, лет через десять примерно

За триста шестьдесят два дня до ночи траура во дворце Кассиопея.

В кабинете короля находилось трое человек. Отбросив все светские формы общения, наедине они спорили и решали важные государственные вопросы.

— Я не поддерживаю этого, Максайм, — советник был не преклонен, на королеву он поглядывал со снисходительным презрением. Знал, откуда дует ветер. Сам король до этого бы не додумался. — Сжечь форт Сет-Йен? Разрушить его, потопить? Нельзя этого делать!

— А что ты предлагаешь? — король напряженно оттянул вниз свой будничный серожемчужный камзол, хоть в том надобности и не было, и вновь поднял хмурые глаза: ему самому не нравилась такая потеря, но что поделать? — Там гуляет черная оспа. Тебе известно, как опасна эта болезнь. Она уже скосила тридцать шесть заключенных. А если хворь распространится и выйдет за пределы крепости? Форт уже долгое время не несет военной функции. Кто станет на нас нападать? Кто польстится на наши проклятые земли? Почти три сотни лет на нас не нападал враг, Арчи. Для них мы прокаженные. Неужто по-прежнему считаешь, в форте осталась практическая нужда?

— Несомненно, её нет, — вмешалась в который раз эта неугомонная женщина. Советник поморщился: трудно представить, кто был бы столь же невежественен, как она. — Заключенных мы можем держать и в тех дворцах, что сейчас пустуют. Подземелья там в неплохом состоянии, за это лето ни единожды сама туда навевалась. В двух к следующей весне уже можно будет открыть новые тюрьмы. Слуги за зиму наведут там порядок, и я рассчитываю выселить туда и тех, что поселились несколько дней назад у нас в подполье. Прямо под нами! Меня это положение несколько нервирует, Максайм. Ты говорил, это ненадолго, ты обещал, — в голосе её появились очень деликатные капризные нотки, которые строгой королеве были позволительны.

Король вздохнул:

— Дорогая, раз обещал, непременно подыщу для них помещение подальше от главного дворца. Это вынужденные меры, и они временны.

— Хорошо, если так, — улыбнулась она с кроткой терпимостью, но Арчи знал, что под этой почтительной маской скрывалась жестокая женщина, способная казнить без всякого суда. Он так и слышал мысли, что роились в её сумасбродной голове: "Но если эта проблема не решится, придется их всех казнить. И впредь лучше делать это сразу. Они провинились, государство не обязано их содержать и быть к ним милосердным".

Тьфу, а не королева! Ей лишь бы на казнь поглазеть. Сама не лучше тех убийц, которым гиблую судьбу прочит.

Он сделал мысленную зарубку: предупредить сына, чтобы обходила королеву стороной. Чем меньше видятся, тем целее будет Фицджеральд и его собственные отцовские нервы. Королева, конечно, не посмеет причинить вред его сыну, но предосторожность не помешает.

— Максайм, — попытался он его вразумить, в голосе проступило раздражение. — Я поработаю над снадобьем против оспы. Не спешу уничтожать форт. Там люди, и они не все ещё мертвы. Есть шанс, что кто-то да выживет. Летальность не стопроцентная, чудо ещё может случиться. И пусть это заключенные, они тоже имеют право жить. От крепости на много миль простираются воды пролива Герш, этой болезни не выйти за столь масштабные пределы. Через воду она не передается, источниками могут быть только больные люди и вещи, им принадлежащие. Предлагаю мертвые тела сжечь и так же поступить со всем содержимым их камер. Я

обеспечу гвардейцев всем нужным снаряжением, чтобы они могли обезопасить себя и не заразиться. А форт нам ещё пригодится. Жажда войн у людей в крови, — в этот момент Арчибальд холодно посмотрел на статную королеву, которая ответила ему с той же упрямой ненавистью во взгляде: на что это намекает старый дурак, да при её муже? — Они не навсегда о ней забыли. Война лишь вопрос времени. Когда я окончательно избавлю нас от Проклятья Первой Ведьмы, возникнет такой риск.

Три проклятые страны на одном материке. Люди с иных материков не суются сюда из-за проклятья: боятся, что, если хоть как-то контактировать с *неполноценными*, оно перейдет и к ним. Они изолированы, это правда. Но что насчёт соседей? Долго ещё их будут удерживать чувство неполноценности и досадная вера, что всякую войну они проиграют? Глухие умеют читать по губам, за столетия отлично научились. Слепые видят силуэты, к тому же, обострён слух, крайне внимательны и недоверчивы.

Дуэль продолжалась.

Лоа ухватилась за его слова клещами:

— Ты потому до сих пор тянешь с формулой?

Её показная усмешка Арчи только рассмешила:

— А вам, ваше высочество, так не терпится всех вылечить? Не вы ли говорили, что лечить простой народ — ресурсы затратные. С вашей подачи я лечу лишь угодных короле. Гвардейцев, знатных господ... вас вот вылечил. Что бы вы делали без меня, ко-ро-ле-ва?

Лоа собиралась возмутиться: что он себе позволяет? Как смеет её высмеивать и проявлять неуважение? Она пристально и с негодованием взглянула на мужа: "Макса-а-айм!"

— Довольно, — прекратил спор его величество, осадив обоих предупреждающим взглядом. Два дорогих ему человека с первого дня невзлюбили друг друга, привык к их противоборству и уже не реагировал остро. — Пусть, Арчи, будет по-твоему. Ты умный ученый, твоему чутью я доверяю. Форт остается, Лоа, — твердо заявил он, и женщина чуть не запыхтела от гнева.

Опять этот старик у неё выиграл! Уже не в первый раз муж прислушивается к нему, а не к ней. А вот были бы они наедине... снова всё было бы так, как пожелает она. Уж у неё есть рычаги давления на своего мужа. По ночам он особенно покладист.

Но в этот раз король решения не поменяет, она точно это знала. Арчибальд в его глазах имел огромный авторитет.

Советник поднялся на ноги:

— Разреши, я пойду?

Максайд махнул рукой, мол, иди, не задерживаю.

Но вздорная королева увязалась за ним, и по коридору ей пришлось на бегу подпрыгивать, чтобы догнать своего заклятого врага.

Ей не хватило двух шагов.

— Ваше величество, — поклонился ей стражник, шедший навстречу, и она вынуждена была прекратить на минутку свой забег и по-королевски снисходительно кивнуть.

Драпированные рукава струились по её утонченным белым рукам, черный лиф с бронзовой вышивкой облегал грудь, а жемчужная юбка нижнего платья из парчи, расписанная черными птицами и лесными мотивами, открывалась глазу спереди, как песчаное дно вдруг расступившегося черного моря верхней шёлковой юбки. Она была готически прелестна, и даже ажурную тиару в её волосах украшали черный опал и бриллианты. Безвкусной и легкомысленной королеву назвать было нельзя — она была воплощением элегантности, морозного коварства и сексуального желания мужчин.

Подобная красота многих пугала, как привела в содрогание и придворного стража, поспешившего немедленно покинуть общество её грозного величества.

Лоа переместила взгляд и увидела, как далеко ушёл подлец. Старик, а всё такой же шустрый!

Она ускорила свои шаги.

— Арчи, а что это ты делаешь? — прошипела она. — Зачем вносишь разлад в отношения мужа и жены?

Она шла с ним вровень.

— Предлагаете послушать вас и угробить наше королевство? — мужчина был сдержан, но в уголках его губ таилась высокомерная насмешка.

— Твои опасения преувеличены. У нас нет территориальных проблем с нашими соседями.

— *Поканет*, — поправил женщину он, быстро спускаясь по ступенькам и смотря то себе под ноги, то на круглые карманные часы у себя на ладони.

Лоа поспевала за ним, как могла:

— Не боишься, что мое слово однажды станет выше твоего и ты вылетишь из дворца, как старая никому не нужная псина?

Её потуги угрожать ему вызывали лишь смех. Арчибальд постучал указательным пальцем по своему виску:

— В этой умной сокровищнице хранится бесценная формула Прозрения Чувств. Я один её знаю. Не советую впредь говорить мне подобных слов, я могу и обидеться. — Он остановился и повернул к ней голову. — И сам уйти из дворца. Путешествия всегда были моей мечтой, — произнес он фальшиво-одухотворенно, что королеву ещё больше раздражало. — А последнему алхимику на земле везде будут рады. Вы так не считаете? — Взгляд синих глаз стал холоднее и жёстче.

Он на неё смотрел как на какую-то блоху, и это бесило больше всего!

Королева не нашлась, что ответить. Если Арчибальд со своей формулой постучится в соседние страны, для него тут же выделят самое дорогое поместье и свиту приставят, чтобы тот мог купаться в лучах громкой славы. Королевство Немых лишится своего преимущества, а Королевство Слепых на юге или Королевство Глухих на Западе, наоборот, заполучат его и вернут себе недостающие чувства. Пока же Немые опережают Глухих и Слепых во всём. Но что станет, если они лишатся своего главного козыря?

Лоа не любила уступать, но тут была загнана в угол.

— Хорошо вам добаться, главный алхимик, — улыбнулась она, подавив в себе притязания. — Студенты ждут вас. Порадуйте их.

Арчибальд подыграл ей и тоже шуточно поклонился, как подобает монаршей особе.

На выходе его ждал сын.

— Ты куда сейчас, отец? — Фиц решил прогуляться с ним до ворот.

Придворный алхимик, увидев единственного и любимого сына, поменялся в лице и заулыбался. Потрепал его по плечу, любуясь новой форменной одеждой, что была на нём вот уже почти неделю.

"Ты стал у меня совсем взрослым. Королевскую Академию окончил, отобран лучшим учеником, приступил вот к службе при дворе".

— Отец? — позвал его Фиц, растерянный долгим молчанием отца.

— Да не обращай внимания на своего старика. Он лишь пятый день горд тобой и не может налюбоваться, каким красивым ты стал. Есть красавица на примете? — В его глазах сверкала дразнящая искорка.

— Па-а-ап, — восемнадцатилетнему сыну было неловко говорить о таком с отцом.

— А фамильярничать будешь у меня дома. А сейчас ты на службе. Не позорь меня.

Фиц получил дурашливый тычок в бок от отца и невольно улыбнулся.

По правде говоря, никакой девушкой он пока не заинтересовался. Они все казались ему глупышками, и он искал ту самую единственную, но пока достойных в своем окружении не нашёл. Что и говорить, молодость играла ему на руку, спешить в таком деле не следовало. Пусть идёт всё своим чередом.

Он знал, что отец не будет его с этим торопить. Пусть матери у Фица никогда не было, нежный и понимающий отец с лихвой заменял её.

— Еду в Академию, — ответил отец на вопрос, с которым присоединился к нему сын.

— Первокурсники? — догадался Фиц.

— Угу, новое поступление. Детям всего по тринадцать лет. Им пора начать говорить.

— Пора новых контрактов. Чтобы они могли послужить на благо родной страны, — уныло вздохнул молодой страж и следом хитро усмехнулся: — Хорошо, что ты меня уронил еще новорожденным в свой котёл.

Арчибальд нахмурился сконфуженно.

— О-о, так этим ты мне обязан? А как же "хорошо, что ты мой отец"? — пытался шутить он.

А Фиц безжалостно продолжал:

— Знаю, что для сына тебе ничего не жалко, и я бы всё равно раньше всех начал говорить. Просто вспоминать о том, что ты чуть меня не угробил, всегда весело. При этом ты выглядишь страшно виноватым, и о чем бы в этот момент я тебя не попросил, ты готов уступить и всё мне позволить, разве я не прав? — засмеялся он.

Отец со смешком пожурил его:

— Пользуешься слабостью отца, и не совестно тебе?

— Совестно, — стражник принял комичный вид примерного сына, — поэтому сегодня я так не поступлю.

— Мой сын вырос? — спросил алхимик лукаво.

— Вырос, отец, — в преувеличенно-серьезном тоне его слышалась улыбка.

Фиц проводил королевского советника к экипажу и воротился назад. Сегодня он дежурил снаружи и патрулировал внутренние дворы.

Просто ли я тогда покинула подземелье? Нет, мне не повезло. Ну, почти.

Я наткнулась на Арчибальда. Нашего королевского волшебника. Он создавал невероятные вещи. Мог сделать золото из руды или обычного речного песка или даже вылечить проклятье. Он многих вылечил, и меня тоже. Раньше я была немой, как и многие в нашем Королевстве Немых. Только вот волшебником его почему-то не звали, его должность именовалась очень странным, непонятным словом. Алхимик. Он подчинялся исключительно моему папе, был его ценным наставником. Наверное, поэтому меня всё ещё не наказали. Мою маму он не слушался и гордо игнорировал. Сама видела.

Но было ещё кое-что. Я сильно-сильно просила его не выдавать меня никому. Возможно ли, что мне повезло? Прошло уже три дня, и я третий день не могла выполнить своё обещание. Нужно было как-то снова попасть в подземелье и передать Элуфу мое угощение.

"Он любит пироги, нельзя, чтобы он забыл их вкус", — подумала я и забралась на крышу огромной звериной клетки.

Подо мной жил гигантский детёныш трёхголовых псов. А по периметру двора стояло таких клеток ещё несколько. Все они находились под высокими балконными мостиками, какие были и в Птичьем дворе: люди по ним ходили. Так что дожди этим существам были не страшны.

Этих жестоких животных — последних, вымирающих видов из Мертвого леса — в количестве одиннадцати штук привезли в королевский приют больше четырех лет назад, чтобы сделать из них дрессированных бойцов, ищеек, охранников.

Говорят, они плохо поддаются дрессировке. А что если... что если выпустить одного из маленьких церберчиков на волю?

Я виновато пошаркала ногой по квадратной металлической крышке для их кормления и потом опустилась на четвереньки, чтобы воровато подползти к краю и поднять засов.

Как же тяжело он поддается моим рученькам!

Я пыхла и пыхла. Даже церберчика разбудила. Он начал шуметь и горланить там внизу.

— Тише. Пожалуйста, тише, — зашептала я, умоляя не шуметь так громко. — Не то меня накажут.

За то, что сбежала от надзора старшей гувернантки и выпустила тебя.

Но он всё не успокаивался.

— Э-эй! Что ты там делаешь? Немедленно вниз! — заорал кто-то, и от этого резкого возгласа я подскочила на ноги.

Меня заметили, меня заметили! Ой, что будет?

Я попятилась, споткнулась и упала с высокой церберской клетки. С высоты примерно трех с половиной метров полетела вниз:

— А-а-а-а!

От испуга закрыла глаза и визжала во всё горло. Казалось, я падала ну очень долго.

— Ради всего святого, пощади мои уши, — услышала вдруг я болезненный стон под собой и, приподняв голову, растерянно распахнула свои зеленые глаза.

Я на ком-то лежала. У него были синие-пресиние глаза, которые изучали мое напуганное лицо в этот момент.

— Ты кто? — едва слышно спросила я; стало жутко стыдно перед ним.

Таких красивых юношей я ещё не видела. Даже мои двоюродные братья не были обладателями столь прекрасного, изумительного и точёного лица. Если бы они были прямо тут и увидели то же, что и я, умерли бы от зависти. Если бы я призналась, что мне понравились его пухлые розоватые губы, это прозвучало бы странно?

А ещё у него были очень необычные волосы.

— Фицджеральд Вундт-Милль, — прокряхтел тяжело парень с длинными черно-белыми ресницами, и только через секунду я додумалась сползти с его живота:

— Ой, я не нарочно.

Я сцепила кончики пальцев и робко наблюдала, как он медленно поднимается с земли.

— Ты поймал меня, — проговорила смущённо.

— Не ушиблась? — он бросил на меня напряженный взгляд, когда принялся поправлять свой боевой меч.

Я покачала головой.

— Я бы сломала себе что-нибудь. Спасибо. Ты меня спас.

Белые пряди волос завораживали меня, но черные преобладали и столь же прелестно переливались на осеннем солнце. Был первый месяц осени, дул Восточный ветер, а утром даже валил снег — солнце больше не пылало, но все те тёплые лучи, что ещё ласкали с неба, будто бы сошлись на голове лишь одного этого парня. Солнце его словно никогда не покидало. Оно укромно устроилось на нём зимовать.

— Девочка, тебе не говорили, что здесь не место для игр?

— А? — Мой взгляд упал на хмурое лицо.

Он держался за плечо второй рукой, а первой совсем-совсем не двигал. Я испугалась, что могла покалечить его. Я ведь упала на него!

— Зачем было туда залезать и подвергать себя опасности? — Фицджеральд настойчиво сверлил меня сердитым взглядом.

— Тебе больно? — от собственной вины хотелось плакать.

А если из-за травмы ему придется навсегда покинуть дворец? Как же так? Как же...

— А, это? — небрежно отозвался он, с его лица пропала злость. — Пустяк. Потянул, не сломал. Так и что ты делала наверху клетки? Отвечать будешь или мне позвать тех, кто наказывает маленьких разбойниц и дебоширок?

— А ты-ы?..

— Я не наказываю, — хмыкнул он, и я разглядела в его взгляде смешинку.

Облегчённая улыбка расплылась по моему лицу.

— Ваше высочество!

— Ваше высочество? — переспросил парень удивлённым шепотом, по его взгляду нельзя было понять, разочаровало ли его это обстоятельство.

К нам подбежала старшая гувернантка, и я скуксилась, пробубнила под нос:

— Как эта противная мымра меня так быстро нашла? Дворец же просто огромный.

Парень меня услышал и попытался спрятать улыбку.

— Добрый день, госпожа учитель, — обратился он к ней, и я с любопытством скосила на него взгляд: мне ведь не показалось? Она ему тоже не нравилась. — Какой приятный сюрприз. Вы тут. Так внезапно покинули академию два года назад. Я по вам скучал, а вы по мне, госпожа Кальмар?

Женщина остановилась и сощурила свои узкие глазенки:

— Вундт-Милль!

Кажется, она узнала его.

— Я, госпожа Кальмар, — у Фица на пол-лица сияла довольная улыбка.

— Госпожа Кальмар! — завизжала она. — Кальмар, мистер Вундт-Милль!

— Но ведь я так и сказал. Госпожа Кальмар.

Я захихикала в ладошку.

— Кальмар! Фицджеральд, вы самый бестолковый ученик, который только у меня был.

— Наверное, поэтому вы сбежали из академии сюда. Потому что я был самым толковым и умным. Вы не потерпели конкуренции, да?

— Бестолковым! Вы всегда коверкали мои слова. У вас отлично получалось выставлять меня на посмешище перед всем руководством, — сорвалось у неё с тонюсеньких губ змеиное шипение.

— Ладно, бестолковым, — пожал он плечами, как-то легко согласившись с поправкой. — Так и что? Вы не потерпели конкуренции? — серьезно повторил он свой вопрос, и мой смешок вышел в этот раз громче.

Гувернантка, заметив это, перекинула свой злобный взгляд на меня.

— Вам смешно, ваше высочество? Вы уже переписали ранние сочинения господина Йох-Милля? Все семнадцать страниц?

Смеяться тут же расхотелось. Я понурила голову:

— Нет, госпожа Кальмар. Ой! — я мгновенно вскинула голову и округлила от ужаса глаза.

Фиц засмеялся в голос.

— Она же ребёнок, — заступился за меня мой сообщник. — Узнай мой отец, что вы заставляете её переписывать его сочинения, интересно, какое бы мнение у него сложилось о ваших педагогических способностях?

На меня смотрели четвергующим взглядом, и им же госпожа Кальмар посмотрела на своего бывшего ученика:

— Ваш Цербер сбежал. Ещё есть желание смеяться?

Мы с парнем спохватились и с тревогой обернулись на клетку. Фицджеральд непристойно выругался. Так я её всё же открыла, получается?

А потом Фиц и я заметили церберчика, мчащегося со всех ног в арочный проем, и мы с ним оба выпалили:

— О нет!

— Птичий двор!

— Госпожа Кальмар, передаю вам принцессу в руки, — заторопился стражник.

А сам погнался ловить сбежавшего зверя.

— Катьмар! — взревела эта мымра на высокой ноте и велела следовать за ней.

Несколько мгновений я стояла на распутье, смотрела то в тщедушную спину-палку своей гувернантки, то на подвижные лопатки парня в коричнево-бордовом гвардейском мундире. Слева у него висел меч. А справа, несомненно...

Мой взгляд случайно зацепился за припорошенную снегом траву, вылезшую меж камней во дворе. Кроме прочего, здесь рос зеленый сад и строгие низкие изгороди. В таком месте легко было заметить упавшую связку ключей.

Значит, Фиц обронил его, когда поймал меня и рухнул сам, сбитый с ног.

А удачно я упала! Хотела вызвать переполох и незаметно своровать комплект ключей у кого-то из стражников. Но ничего и красть не пришлось.

У меня теперь есть ключи от темницы.

Вот я везу-у-учая.

Но переполох всё-таки устроила. Я так надеялась, что Фиц мне этого простит. Быть может, никто и не накажет новичка за рассеянность. Я не хотела его подставлять. Кого угодно, точно не его. Таких не подставляют, за таких выходят замуж... ну, лет через десять примерно. Раньше, наверное, нельзя.

Подхватив незаметно звенящее кольцо и положив в широкий карман пурпурной шерстяной пелерины, я радостно и вприпрыжку побежала за госпожой Катьмар.

Сегодня в обед я планировала угостить Элуфа пирогами.

А потом вернула бы прекрасному парню с поразительными синими глазами его железную связку. Отыщи я ключ от всех дверей в темнице, так сразу бы и подбросила ему оставшиеся. Ведь мне нужен был всего один ключик. Всего один. В темнице этот красавец вряд ли дежурил, ключ от неё давали всем гвардейцам на всякий случай, но не каждый работал там тюремщиком.

— Элуф!

Я вбежала в полутемное помещение, провозившись до этого в двух замках. От радости, что всё получилось, мой голос был слишком громким. От неожиданности я прижала ладошку к непослушным губам: они у меня улыбались.

— Кассиопея? — Мужчина резко схватился обеими руками за решетку и принялся выглядывать меня.

Кажется, он пришёл в недоумение и не понимал, как я снова тут оказалась.

— Прости, что долго не приходила. — Я подскочила к нему и шустро вывернула свои карманы. На сей раз там было два шелковых платка. — Твои любимые сладости и ещё вот ножка фазана.

Вываливая всё это на его руки, я чувствовала себя нужной, не бесполезной. Ощущала себя очень счастливой, потому что делала для кого-то что-то по-настоящему хорошее.

— Как ты умудрилась? — ошалело усмехнулся он с застывшими перед собой руками, но смотрел он при этом только на меня.

— Я подобрала потерянные ключи, — объяснила я, видя, как он приятно поражён.

— Потерянные?

— Ну... я для этого постаралась.

Он в неверии покачал головой:

— А ты у нас хулиганка, верно?

— Чуть-чуть, — отозвалась смущенно и опустила глазки. А потом меня как осенило, и я резко подняла голову: — Ты хочешь выйти отсюда, да? Есть ключ, он тебе нужен?

Я всё ещё ручалась, что ничего плохого он не делал. Моя мама, как я была теперь совершенно уверена, обижала невиновных и расправлялась со всеми, кто ей мешал. Элуф мог оказаться здесь по той же причине.

Он грустно улыбнулся:

— Я видел Церберов. Двор мне не покинуть, Касси. Живым я отсюда всё равно не выйду.

— Но... — я задумалась, — они ещё детёныши. Они не так свирепы.

— Касси, всё хорошо. Мне тут спокойно. Не переживай за меня, хорошо? Когда-нибудь я найду способ отсюда выбраться. А сейчас не могла бы ты угостить нашего говоруна? — шепнул он мне на ухо и кивнул в сторону бандита с мерзкими вороньими бусинками вместо глаз, который нехорошо изучал нашу компанию, стоя в своей мрачной и холодной камере.

От него шли по телу мурашки.

Я посмотрела на ладонь Элуфа: он возвращал мне один кусочек пирога и маленькую сахарную булочку.

— Но зачем? — пробормотала растерянно и заглянула ему в глаза. — Зачем ему давать то, что я принесла тебе?

— Он *неслышащий*, единственный тут, а значит, может рассказать дежурному, что ты сюда шастаешь. Нужно его задобрить, понимаешь? Чтобы он держал язык за зубами. Справишься? — Он тепло улыбнулся и аккуратно подтолкнул меня в сторону уродца.

Я кивнула и с опаской двинулась к его клетке. Сердце в груди стучало, как ненормальное.

— Вот, возьми, — встав на безопасном расстоянии, я неловко протянула ему угощения, чтобы он мог сам выставить вперед руки и взять.

Когда он это сделал, я тут же отдёрнула руки.

— Надеюсь, не отравя, — криво ухмыльнулся арестант и откусил от свежей выпечки.

Отрава?

— Он шутит так, Касси, — успокоил Элуф, уловив мою тревогу. — Этот шут по-другому не умеет. С утра до ночи слушаю его байки. Всем надоел, но никто его не заткнёт. Потому что этот тупица ни черта не слышит.

— Булочка вкусная. Жду твоего следующего визита, крысёныш, — нагло подмигнул мне глухой, и я отступила, едва не отшатнувшись от этого жеста.

Поспешила к Элуфу.

— Принцесса, ты в порядке?

Я с вымученной улыбкой встретила его ровный взгляд. Он взлохматил мне волосы и добавил:

— Ты очень храбрая, Касс.

Касс. Он назвал меня так.

Глава 3. Бесчувственная, как мама

За триста шестьдесят два дня до предательства Фицджеральда.

Он подошёл и нагнулся за ними.

Поднял ключи там же, где их потерял. И с недоумением оглянулся. Почему-то его смущали сомнения: разве он не осмотрел тут всё час назад, и ничего не нашёл.

Фиц посчитал внимательнее: девять ключей, одного не хватает. Кто-то его взял.

Вот же он влип.

Но кому он понадобился? Молодой человек повторно осмотрел двор: кто бы это ни был, он уже не здесь, и вряд ли покажется. Нужно было сообщить отцу, посоветоваться, идти ли к королю с повинной. Ведь ключ мог оказаться в руках недоброжелателя, а это чревато крупными беспорядками.

Знать бы, отчего был украденный ключ. Тогда и можно оценить масштабы катастрофы.

Для этого ему пришлось бы пройтись по всем дверям. Фицджеральд невесело цокнул: задача предстояла знатная. Уже повернулся ко входу в замок, как вдруг заметил мелькающую фигурку в Птичьем дворе. Место, где рассыпаны зерна, — там сейчас клевало злаки целое полчище черных ворон; под ними и над ними — веревочная толстая сетка. Эта ловушка могла захлопнуться в любой момент. Но, похоже, в этот час главный зверовод за ними не следил. Иначе как бы он допустил того, что маленькая принцесса сновала туда-сюда и баловалась в этом черном облаке?

Нет, ну что она ещё придумала?

Вот потянет зверовод за рычаг, и девчонка повиснет над землей вверх тормашками, пойманная в сети. Не хватило того, что он гонялся по всему двору за этим собакообразным драконом, рискуя стать его завтраком? Или того, что она едва не разбила себе голову, когда пыталась расшевелить верхнюю задвижку вольера? Он как раз на этом моменте и заметил девочку. Побежал с ругательством за разбойницей. А она попыталась сбежать, с перепугу дернулась и едва не хлопнулась наземь. Он успел подхватить.

Вроде принцесса, а безобразничает хуже... меня в её возрасте, а я был тем ещё сорванцом.

Он вздохнул и нехотя направился в её сторону. Его шаг сбивчиво замедлялся по мере тех странностей, что перед ним представали.

Сначала он не понимал, что делает принцесса. "Она резвится и просто играет с птицами, — подумал Фиц. — Распугивает, чтобы те не попали в ловушку".

Но принцесса Кассиопея ловила ворон, брала их за тонкие ножки и переворачивала головой вниз. Когда она поймала второго, побежала к первой от арочного туннеля клетке с цербером, до которого он не успел ещё дойти. А она была так увлечена своим занятием, что не замечала вообще никого вокруг. Карбкалась на крышу — он хотел её окликнуть, но в последний момент сдержался, решив понаблюдать и в случае чего поймать безобразницу так же, как этим утром.

— Для чего ты это делаешь? — сорвалось с губ парня, но он будто охрип, и его не услышали.

Отверстия для еды находились сверху, туда она и кинула живую тушу вороны. Фиц так и стоял ошарашенный. Он просто не мог в это поверить.

— Принцесса, вы кормите церберов... воронами?

Живыми.

Сидевшая на корточках девочка наконец заметила его и засмушалась:

— Привет.

Фиц всерьез выглядел обеспокоенным и мрачным. Он спросил снова:

— Ваше высочество, неужели вам не жалко эту ворону?

Она, держа добычу в цепких пальцах, уверенно ему ответила:

— Нет. Она мне не друг.

— Не друг? — произнёс он недоуменно.

— Да, — ребёнок вздёрнул подбородок, чувствуя гордость.

— А этот страшный, беспощадно убивающий всякое живое существо, стало быть, вам друг, раз вы печетесь о его благе?

— Совершенно верно, Фицджеральд. Йоко — мой друг.

— Вы и имя ему дали, — сдержанно хмыкнул он, чувствуя отвращение к судьбе королевского отпрыска. "Вот какими они вырастают, — думал Фиц. — Девочка на первый взгляд белый одуванчик, и уже так безжалостна".

— Что ж. Вы очень похожи на матушку.

Развернулся и ушёл.

А Кассиопея бросила Йоко вторую тушу и задумалась: её мать вырезала сотни человеческих голов, виновных и невиновных.

И ей стало больно.

Она хоть и была маленькой, но многое уже понимала. На мать похожей ни в чьих глазах быть не хотелось. Особенно Фица. Ей хотелось похвалы и одобрения парня, который ей нравился. Но ведь только она знала, что эти убийцы-вороны — которых специально загоняли в клетку, ловили на семена подсолнуха и зерна, держали голодными перед любой казнью — заклевали доброго мальчика, которого казнил втихаря один из королевских палачей по приказу её деспотичной матери, что была богата на фантазии, каким ещё изощрённым способом казнить неугодных её холодной, эгоистичной натуре.

И поэтому Касси продолжала безжалостно кормить птицами своего невольного цербера, подолгу голодного, ибо еду этим бедным животным давали, только если они удачно выполняли все команды, поддавались безупречной дрессировке. А дрессировке Йоко поддавался меньше всего, отчего жил впроголодь.

Она хотела вырастить хотя бы одно животное в этом пугающе жестоком дворце, которое бы не смотрело на неё как на потенциальный корм. А чем его ещё кормить, если не воронами?

Последующие два дня Кассиопея не знала покоя. Она выглядывала в окна, ища глазами парня с белыми прядями волос. Сбегала от надзора старшей гувернантки. Проводила время с Элуфом, Йоко и так же крепко ненавидела ворон. Но ни разу за эти два дня даже случайно она не встретила Фица, он будто совсем пропал. *Где же он дежурит? Или, быть может, его наказали, поэтому он не появляется?*

Она не должна была красть этот ключ. Сожаления комом вставали у неё в горле.

— Ты чем-то расстроена, звёздочка?

Касси, громко вздохнув, отошла от окна в покоях тёти и упавшим голосом произнесла:

— Шарли... — Она не решалась.

— Да, милая?

Тётя усадила её перед своим туалетом и принялась расплетать косы, которые принцессе сегодня заплела мама в виде короны на голове. Та дёрнула её волосы во все стороны и в итоге свела очень тугое гнездо, отчего у Касс полдня сегодня болела кожа головы. Шарли заметила, как её племянница постоянно чешет корни волос и морщит при этом милый носик, и предложила это дело исправить. Так, что королева ничего и не заметит. Шарли просто повторит причёску, но сделает это нежнее.

— Как думаешь, что я должна сделать, если виновата перед одним человеком?

— Виновата? Как интересно, — сказала она чуть удивленным, воркующим голосом; маленькой принцессе казалось, её высочество не умела унывать. — А что ты сделала?

— Это... секрет. Я не могу сказать.

Она призадумалась. В зеркале отразилась её милая складочка между светлых тонких бровей, а губы цвета сладкой персиковой канны из дворцового сада дурашливо и плутовато поджались.

— М-м-м, дай-ка подумать... А сильно виновата перед этим человеком?

— Сильно, Шарли, — Касс грустила. — Я думаю, из-за меня он мог пострадать. И я не знаю, что теперь делать.

Её высочество Калиста склонилась к племяннице из-за спины и прильнула щекой к бархатной коже маленького личика. Теперь их отражения были на одном уровне, они обе внимательно уставились в зеркало.

— Как что? — шепнула она так, словно делилась сокровенной тайной. — Неужели никто тебе не говорил, что нужно делать в таких случаях? А я?

Кассиопея заулыбалась: только старшей принцессе под силу развеять грусть одной лишь задорной интонацией.

— Я помню! В тот раз, когда наказали Бью и служанку из-за меня, я созналась на второй день, что это я испортила мамино платье чернилами, потому что ты обо этом меня попросила. Сказала, если виновата, должна отвечать за последствия и не бояться их.

— Ну вот, видишь. Ты всё помнишь. А значит, знаешь, как поступить, так?

Девочка закивала, и Калиста, выпрямившись, продолжила заплетать ей волосы.

— Твоей маме всё равно, кого наказывать. И платье, и чернила черные, чего она там разглядела? — проворчала она вполголоса, поддавшись напрасному импульсу. — Хоть целое ведро черной краски на неё вылей, ни одно платье не поменяет цвет. Только мои дети от неё страдают.

Тётя Шарли и королева Лоа цивилизованно враждовали, это все знали. Касс притихла: когда тётя злилась, малышка всегда помалкивала, чтобы глухая злость ненароком не обрушилась и на неё. Шарли любила её, и она боялась, что та из-за её деспотичной матери может разлюбить племянницу в любой из таких моментов — грань была слишком тонкой, чтобы делать опрометчивое движение. Ведь Лоа не любила детей жены брата своего мужа, и если Шарли не будет любить дочь Лоа в ответ, Касс не знала, что ей тогда делать?

Но пока тётя её любила, и это было самой большой радостью маленькой принцессы.

Калиста — Шарли по второму имени — закрепила на голове малышки новенькую диадему:

— Носи её, хорошо? Я хочу, чтобы однажды именно ты стала королевой, звёздочка моя, — женщина тепло поцеловала её в макушку и с наслаждением вдохнула детский аромат волос принцессы.

Кассиопея захихикала, вжав голову в плечи от смущения:

— Ты всегда так делаешь.

— Потому что ты приятно пахнешь.

Она была ну очень доброй, Касси просто таяла от её объятий.

— А теперь иди на занятия. Ты должна учиться прилежно, чтобы однажды ты могла носить самую главную алмазную корону и быть хозяйкой этого дворца.

Девочка нехотя соскочила со стула и капризно произнесла:

— Но госпожа Кальмар злобная и надменная. Почему мне нельзя учиться у другого учителя?

— Потому что так пожелали король и королева. Я не могу этого изменить, крошка. Они меня не слушают. Придётся потерпеть; пусть госпожа и злобная, и надменная, учиться ты

должна. Сбежать с уроков, Касси, нельзя. Ты поняла меня? — в её голосе не слышалось ни капельки недовольства, а вот сочувствие и грусть были.

— Поняла, — протянула малышка, обречённо и со всем послушанием, на которое был только способен подвижный, непоседливый ребёнок.

Ослушаться тётю она не могла. Не тогда, когда та прямо об этом просит. Хорошо, сбежать она будет меньше: с дополнительных уроков, которыми наказывает её вредное морское чудовище Кальмар. Остальные она как-нибудь уж просидит на попе ровно и переживёт.

Три часа нудных занятий, и Касс снова выбежала на прямоугольную лужайку за западной стеной замка, где тренировались между собой отважные на вызов и игровые дуэли молодые гвардейцы. На сей раз среди них присутствовал и Фиц, которого она уже два дня не видела.

Его не наказали! Лицо его было всё таким же красивым, а руки и ноги целы — ни следа побоев и иных увечий. Может, всё обошлось? А если так, не лучше ли о ключе промолчать, ведь парень и так был ею разочарован? Если она признается, то у неё точно не будет никаких шансов завоевать его расположение.

Мечи между тем красиво рассекали воздух и звенели в дружеской схватке. Стражники тренировались парами, встав в два ряда. Но поодаль были и те, кто не только бился на мечах, но и пользовался деревьями как естественным щитом и отличным оружием для манёвров. Один ловкач повис на толстой ветке вниз головой и хлестал сталью меч противника, затем лихо спрыгнул и продолжил бой на земле. В условиях, максимально приближенных к боевым, они приспособлялись и состязались каждый в меру своей изобретательности.

Касси спряталась за садовым кустом, который уже ронял листья. Ближе подойти она не решалась. Вышла только, когда стражники начали собираться заступать на свой пост и расходиться кто куда. Фиц спрятал меч в ножны и, подняв фляжку с земли, стал жадно пить воду. Кто-то похлопал его по плечу и что-то с ухмылкой сказал перед уходом.

— Ваше высочество, — ей поклонились, затем обошли по дуге.

Она была слегка растеряна от внимания сразу стольких мужчин и чувствовала себя крошечной букашкой на фоне тяжелых, массивных тел, призванных защищать дворец в момент опасности. Принцесса никогда не кичилась своим положением и не самоутверждалась за счёт прислуги, за это с ней были милы и никто не судачил о ней за спиной, называя жестокой, как её мать. Касс не хотела такой славы, Касс боялась этого, как огня.

Принцесса, замешкавшись, присела в реверансе и вызвала у солдат доброжелательные улыбки, которые говорили ей: "Это вовсе не обязательно, принцесса. Мы и так знаем, что вы относитесь к нам со всем уважением. Нам неловко. А если ваша матушка заметит?"

Если она заметит, будет очередная лекция о том, что не королевская дочь обязана кланяться перед прислугой, а слуги перед принцессой.

Но Касс было всё равно. Здесь она не готова была уступить. Лучше наказание и повышенный тон матери, чем ненависть в глазах преданных ей гвардейцев. Наконец они прошли мимо, и принцесса почувствовала себя увереннее. Всё-таки она робела.

Фицджеральд стоял к ней спиной и закручивал пробку плоского металлического бутылки. Неспешно повесил на пояс.

— Ваше высочество, если вы будете молчать, боюсь, сам я не догадаюсь, с какой целью вы пожаловали, — заявил он сухо, не поворачиваясь; так, что она подпрыгнула.

Как заметил её? Он ведь не смотрел в её сторону.

Парень нагнулся к заснеженной траве за благородно-коричневым плащом из сукна, подбитого теплым мехом, и накинул на себя. Взглянув на неё равнодушно через плечо, застегнул свободные концы булавочной пряжкой.

Кассиопея не знала, с чего начать. Она колебалась между обычным приветствием и признанием, открывающим правду об её отношении к воронам.

— Привет. А где ты был? Я нигде не могла тебя найти, — тихо начала она, но, похоже, не с того.

— Зачем её высочеству нужен я? — Теперь он стоял к ней лицом и весь был внимание. Касси не нравилось, что он был так холоден с ней.

— Спасибо... спасибо, что спас меня в тот раз, — в эту секунду она не нашла ничего лучше этих слов. Но они опять были мимо.

— Принцесса, ваша жизнь ценна, как никакая другая. Кого, как не вас, я должен спасать в первую очередь? Благодарности не нужны, тем более что я их от вас уже слышал.

Её высочество спустила назад капюшон и жалобно всмотрелась в его синие глаза, горящие тяжелым нерастопимым льдом.

И тут произошло чудо: они смягчились на несколько градусов. А сам он вздохнул и, бросив взгляд в сторону, пробормотал:

— Господи, ей всего десять...

"...а я веду себя с ней, как будто её ровесник. Будто не понимаю, под чьим влиянием она растёт, чьи привычки перенимает и чьи убеждения принимает как за чистую монету".

Вторая часть фразы стала продолжением лишь его мысли, при ребёнке он ни за что не произнёс бы подобных слов.

— Принцесса, — он галантно поклонился ей, чтобы не обидеть, собравшись уходить.

— Думаешь, я такая же бесчувственная, как моя мама? — прилетел ему в спину самый пустой, стеклянный и надсадный голос, который он когда-либо слышал... от ребёнка.

Он так и застыл к ней спиной. Окаменев в плечах.

— Я ненавижу ворон, — услышал он вторую большую фразу и следом третью: — Мама приказала мне смотреть, как они съедают ещё теплый труп.

Он сложил эти две страшные фразы вместе и услышал в своей голове её беззащитный детский голос: "Я ненавижу ворон... как ненавижу маму".

Фиц медленно обернулся и с ужасом обнаружил в глазах Касс слёзы, так и оставшиеся *за стеклом* — не выплаканными. Как давно она с ними ходит?

Русые волосы трепетали на холодном ветру, на невинные ресницы ложились снежные хлопья.

— Голодные, безмозглые, они выклёвывали Иссаку глазные яблоки, а я не знала, жив он или уже мёртв. Ему было всего одиннадцать. Я дружила только с ним. Мама не разрешала заводить друзей среди обычных людей, а все эти дети знати и богачей раздражали своей глупостью и капризностью, я с ними не хотела играть. Иссак жил на улице, вместе с остальными детьми, у которых тоже не было родителей. Он приходил ко мне, перелезал через каменный забор, спрыгивал на телегу с сеном для лошадей, и мы тайком играли. Он всегда придумывал что-то забавное, лазал повсюду. Я приносила ему поесть. Но пять дней назад его поймали за руку на дворцовой кухне... — Касси сглотнула. — С тех пор я ненавижу ворон.

"Королева лишила её настоящего *человеческого* друга, а я тут ещё со своими..." — Фиц сконфуженно вздохнул. Маленькая девочка повела себя как взрослая: решила прояснить непонимание, чтобы он не строил относительно неё каких-то иллюзий и не наговаривал на неё. Не предъявлял несправедливые обвинения. Что как раз, пусть мысленно, он и сделал.

Дурочка. Стоит тут и объясняется перед ним, будто они поменялись ролями.

Хоть делать это была не обязана. Ведь кто он такой?

— Но они такие же свирепые, ваше высочество, — этого он, как ни старался, не понимал. — Церберы. Если их не кормить, а потом выпустить во двор, они съедят всех на своем пути, не только труп мальчика.

— Пока Йоко не трогает дорогих мне людей, он остаётся мне другом, — ответила она до изумления просто.

Фиц впервые посмотрел на принцессу иначе, проникся к ней добротой и симпатией.

— Жаль твоего друга. И жаль, что я тебя обидел. — Он посмотрел по сторонам, нет ли свидетелей, в окна глянул, затем присел перед бедной малышкой и от чистого сердца произнёс: — Прости, принцесса. Ты меня простишь? — Он держал её за рукава синего плаща с богатой вышивкой, и Кассиопея впервые ощутила на себе его сильные, бережные прикосновения.

Мысли беспорядочно металась в её голове.

Она нашла взглядом его меч.

— Научишь? Я тоже хочу.

Это был её шанс.

— Хочешь?.. — Его непонимающий взгляд тоже упал на левое бедро, бровь изогнулась.

— Орудовать мечом?

Девочка скромно кивнула.

Если он согласится, она простит его. Только бы он не отказал. Ведь она простит его в любом случае.

— Ла-адно. — Фиц смекнул, как должен поступить, и в следующую секунду спрашивал уже лукавым, официальным тоном: — Вероятно, я должен спросить, не хотите ли вы, ваше высочество, научиться азам фехтования?

Она разулыбалась и уже с большим энтузиазмом начала трясти головой.

— Да-да-да-да!

— Только для начала мы должны спросить позволения у твоего отца, — прибавил он, мысленно смеясь.

Это предложение ей не понравилось, но парень был прав: учить её тайно — не самая разумная затея. Если их застукают — быть беде.

— Ла-адно, — Касс сдалась без боя. Она помнила, как тому чудом удалось избежать наказания. Ещё одно она ему не сулила.

Фицджеральд прикрыл ей голову капюшоном.

— И надо бы раздобыть тебе деревянный меч. — И видя возмущенную хмурость миниатюрных бровей, он насмешливо пояснил: — Железный ты просто не поднимешь, ребёнок.

В первый раз он ей так улыбался. Заботлив с ней.

И он научит её искусству меча!

Глава 4. Свинцовый рисунок

За два дня до заточения в башню.

Он сидел на этом поросшем мхом камне уже час. Что он там делал?

Касс подкралась к нему незаметно. Но когда попыталась нанести удар со спины, Фиц почувствовал её намерение за доли секунды. По губам его пробежала широкая улыбка, он нагнулся и ловко увернулся от её деревянного меча. В мгновение отбросил кожаную тетрадь и подобрал лежащий рядом на камне меч. Обернулся и взглянул на неё снисходительно.

Принцесса направила взгляд на приставленный к её сердцу наконечник тупого меча и напустилась.

— Я когда-нибудь одолею тебя?! — жаловалась она всем богам на непобедимого Фицджеральда.

— А ты меньше шума создавай, когда крадешься. Тогда у тебя появится мизерный шанс на успех, — с улыбкой издевался он над ней.

— А когда у меня будет настоящий шанс победить? — спросила она его наивно, с раздражением отпихнув от груди его деревянный клинок.

Он убрал учебное оружие и терпеливо разъяснил:

— Наступит год и день, когда ты вырастишь и сможешь показать себе, на что способна. — И прибавил, не удержавшись от ехидства: — А пока с твоим ростом в половину моего ты так и будешь без конца ныть. Может, перестанешь?

— Эй! — Она подошла и стукнула его кулачком. — Хватит издеваться.

— Я ли издеваюсь? Это меня чуть не убили минуту назад. Я мирно сидел вон на том камне, — указал Фиц, изображая жертву.

Касси притворно закатила глаза:

— Да что с тобой бу-у-удет? Меч-то дерева-я-янный, — дерзко растягивала она слова и шумно выдохнула: — Когда ты мне уже подаришь настоящий?

Фиц прекрасно понимал принцессу: деревянный меч был всего лишь игрушкой, а ей хотелось настоящих ощущений и адреналина от битвы. Настоящей битвы со звоном металла. Но хоть тренировались они уже почти год, её высочество была ещё мала для серьезных поединков.

— Король запретил до твоего тринадцатилетия, — сочувственно поджал он губы.

— Ждать ещё два года? — Касси совсем этому не радовалась. — Это же целая вечность.

— Но посмотри на это с другой стороны. Ты можешь ещё целых два года носить все эти платья принцессы и быть милой со всеми. Потом притворяться ребёнком уже не получится. От хороших мечников и спрос большой; ответственность возрастёт, тебе будут поручать важные задания, ты обязана будешь присутствовать на всех светских мероприятиях, а главное — демонстрировать всем свои успехи, навыки в бою, стать предметом гордости своих родителей. Это не всегда здорово, Касс. Прощу, побудь ещё маленькой девочкой, у которой нет забот. Ведь потом они прибавятся.

— Но я не хочу быть слабой, — напомнила она причину, по которой он взялся за её обучение. Иная его бы не удовлетворила; всё остальное — прихоть.

Он щёлкнул её по носу и посоветовал одной хитрой мудрости:

— А ты не будь — притворись слабой. Верь мне, это отличный способ маскировки.

Касс на мгновение задумалась.

— А ты? Надеваешь личину?

Вопрос привёл его в замешательство.

— Я? Слушай... В этой жизни без этого не выжить, — проговорил он серьезно.

Кассиопея радостно пробормотала:

— Тогда и я смогу тоже. — И помчалась к камню.

Фицджеральд с усмешкой следил за ней, пока её пальцы не коснулись его тетради в кожаном переплёте.

— Эй, постой-ка. — Он поспешил отнять у Касс свою книжку. — Не трогай, это личное.

Парень присел на камень.

— Что-то личное? — её зелёные глаза заблестели. — А покажи.

Она видела сомнения в его выражении лица и начала по-детски упрашивать своего учителя:

— У тебя большая тетрадь. Что там? Ну мне же интересно. Ну покажи-и-и. Это дневник? Там секреты, которые ты хранишь? А со мной поделишься? Мой самый главный секрет ты знаешь. Это ведь нечестно, что я не знаю ни одного твоего.

Такая детская непосредственность и упрямая настойчивость парня развеселили, но он всё ещё не сдавал позиции:

— Касси, имею я право на личные границы или ты меня уже всего забрала в свои владения?

Назойливый взгляд принцессы, впившийся в его *сокровище*, вдруг перетёк на длинные перепачканные чем-то пальцы. То ли свинец, то ли серебро... Она поискала глазами что-то наподобие карандаша и заметила в траве свинцовый штифт.

— А это что? — она протянула его парню, с хитрецей сверкнув глазами. — Ты пойман с поличным. Ты рисуешь! — почти обвинительно ткнула она в Фица пальцем.

— Необязательно, — сопротивлялся он, дерзко отказываясь признавать, что она угадала род его занятий. — Свинцом не только иллюстрируют картинки, но и пишут научные трактаты, чтобы вы знали, ваше высочество.

— Все знают, что писать проще чернилами, Фиц. Тебе меня не обмануть. Я раскусила тебя! Раскусила! — радовалась принцесса. — Ну покажи.

Она трясла его за руку.

"Ну, сущий ребёнок, — думал молодой королевский стражник. — А ей всё меч подавай". Конечно, он сдался. Разве могло быть по-другому? Эта девочка подкупала его своей обаятельной лучезарностью. А ещё у неё была удивительная способность наводить много шума.

— Покажу, раз так просишь, — вздохнул он деланно безнадежно, но уголки его губ смеялись, поэтому совесть принцессы как проснулась, так и залегла обратно в норку.

Она раскрыла блокнот на первой странице. На неё смотрел портрет Арчибальда Йох-Милля.

— Ты нарисовал отца? — моргнула она для достоверности. — А ведь как похоже! Один в один!

Фиц пожал плечами:

— Так, ничего особенного. Обыкновенное увлечение писать то, что чаще видишь.

Малышка едва ли в ладоши не хлопала от восторга.

— Как замечательно вышло! Посмотрим, что тут. — Кассиопея перевернула лист тетради и помрачнела: — Моя мама? — Её глаза вопросительно смотрели художнику в лицо, не понимая, зачем он нарисовал её.

Фиц объяснил всё просто:

— Сказал же. Рисую всех подряд. Переверни страницу. — Он сделал это сам. — Взгляни, вот и твой отец. Я нарисовал короля и королеву своей страны, вот и всё. Разве плохо?

— Нет, наверное, — робко дернула она плечом, любуясь тем, как талантливо проведены все линии на портрете. Каждая на своем месте, и ни одной лишней. — Здорово, — вздохнула принцесса и мечтательно заговорила: — Вот бы и я была в чём-то хороша. Но мне начинает казаться, будто я бесполезна. Ничего не умею и учусь плохо.

— Не говори так, эй, — он прикоснулся к её щеке и улыбнулся так, тепло-тепло. Одно это согрело Касси сердце. — Мечом ты управляешься вполне неплохо, а остальное образуется. Малышка не должна требовать от себя слишком много, да? — Он по обыкновению щелкнул её по носу.

Её высочество поерзала на камне и смущенно пригладила скромное, удобное для уроков воинского искусства платье под роскошной темно-алой пелериной. Затем перелистнула ещё несколько страниц с портретами сослуживцев и остановилась на той, где изображена она сама.

— Ты и меня нарисовал? — обрадовалась Касси, подпрыгнув и едва не свалившись с камня, где они сидели вдвоем. Хлопая глазками и мило улыбаясь, она склонила голову набок: — А почему? Потому что видишь на каждом занятии и запомнил моё прекрасное личико, да?

Парень рассмеялся.

— Да, именно поэтому, — подхватил он голосом, полным игривой иронии.

— Ваше высочество, господин, — раздался беспокойный голос второй нянечки принцессы. Она спешила в сад в распахнутой шерстяной курточке, лишь придерживая рукой воротник у горла.

Фиц озадаченно глядел на неё через плечо.

— Привет, Дженис, — поздоровался он с девушкой, когда та сбежала к ним по парадным ступенькам дворца. — Что-то срочное? Его величество?..

Она кивнула:

— Король послал меня известить вас, что сегодня вы занимаетесь во внутренних залах. Ветер подымается. — Она зябко куталась в свою тонкую пелерину без рукавов, но с вырезами для рук; обвела взглядом почти голые ветви баньяна⁴. — Что-то неладное сегодня с погодой. Король беспокоится о дочери.

— Хорошо. Передай, что мы уже идём. — Он повернулся к принцессе, которая в этот момент с сердитым лицом разрывала лист бумаги с чёрной вороной, изображенной на нём. — И в какое время это ты успела? — опешил он.

— Я не хочу, чтобы ты рисовал этих уродливых птиц! Не хочу!

Соплячка взяла и порвала его рисунок. Он поднялся на ноги вслед за ней.

— Ах, непослушный ребёнок. Что вы сделали с рисунком господина? — ругалась на неё расстроенная нянечка: ей было жалко такой замечательный художественный набросок. А Фиц с улыбкой её осадил:

— Ничего, я сам хотел от него избавиться. Можно сказать, Касси мне даже помогла. Её решительность мне импонирует, вряд ли бы сам я набрался смелости.

У Касс раскрылись широко глаза, она застыла: Фиц прямо сейчас потакал ей? Он правда сам хотел вырвать рисунок и выбросить его?

— Да? — Дженис смотрела на него почти с тем же выражением удивления и растерянности.

— Да, — заверил Фиц. — Не беспокойтесь и не ругайте её из-за такого пустяка.

"Она же ещё ребёнок и не научилась справляться с обидами и злостью", — этого он уже не сказал.

Невероятно, он был на её стороне! Вороны ему тоже не нравились большие.

Принцесса повеселела.

— И всё же... принцесса, ведите себя прилично, — нерешительно напомнила воспитаннице нянечка о правилах и поспешила назад во дворец через главные его двери, пока её кости окончательно не окоченели.

Касс посмотрела в глаза Фицу.

⁴ Теплолюбивые деревья рода фикус, разрастаются на огромные площади, используя воздушные корни, которые укореняются, с годами твердеют, утолщаются и образуют целый лес из полноценных стволов.

— Она хотя бы ругается мило, ты заметил?

Он фыркнул, саркастично подняв брови:

— Да, она не сравнится...

— С противной мымрой, — закончила девочка, и он кивнул, насмешливо скривив губы:

— Да, с ней. — Фиц закрыл тетрадь и спрятал от греха подальше во внутренний карман ливреи. Но потом задумался, вынул обратно на краткий миг и аккуратно выдернул листок с портретом своей принцессы. — Ты ведь примешь его?

Девочка, которая наблюдала за странным действием своего учителя по фехтованию, затаив дыхание, не ожидала, что он протянет картину ей. Она боялась, что он поступит с её портретом так же, как она обошлась с его *Вороном*. Хотя с чего бы, да?

Принцесса растерялась:

— Не знаю... а можно?

— Ну разумеется. Ведь я дарю тебе его.

Он всмотрелся в лицо её высочества внимательнее и тотчас догадался о её мыслях:

— Думала, *Свинцовая Принцесса* отправится вслед за *Вороном*? — Его глаза глядели снисходительно. — И хорошего же ты мнения обо мне, — произнёс он весело.

— Нет-нет, я... ну... не поняла, вот и вообразила... а на что ещё это могло быть похоже? Ты выдирали листок... — она защищала себя.

— На то, что я дарю тебе его? — а он дразнил её.

— Ну да, так я и должна была подумать, — досада отпечаталась на её лице, а глаза с неловким стыдом забегали по густым воздушным корням баньяны — единственным тропическим деревом, сохранившимся в их саду со времен Проклятия Первой Ведьмы. Остальные за эти почти три века постепенно вымерли от холодных зим. Но это удивительное дерево простояло до этих самых пор, о нём заботились королевские служащие и считали символом *дворца Кассиопея*.

— Эй, выше нос. Если тебе не нравится, я заберу его назад, — он сделал обманчивое движение, будто хочет вернуть оторванный лист в тетрадь, даже потянулся к карману, а Кассиопея, испугавшись, захныкала:

— Ну отдай, ну пожалуйста. — Она подпрыгнула и под смехок Фица отобрала страницу со свинцовым рисунком. — Я тут така-ая воинственная! Мои накидку и волосы развеивает невидимый ветер, а в руках у меня грозный меч! И не похоже, что деревянный. — Принцесса Кассиопея как всегда очень искренне радовалась подарку.

В этот момент молодой стражник пожалел, что у него нет младшей сестры. Он радовал бы её каждый день, как принцессу. Преподносил бы подарки, учил бы, как правильно держать в ладони острый боевой меч, рисовал бы портреты каждый сезон, чтобы замечать, как она взрослеет и меняется с годами, становясь милее и краше.

Принцесса была ему почти как младшая сестра, этого не признать он не мог.

Вдруг набежали тучи и усилился ветер. Резко потемнело, и над замком прогремел оглушительный гром, ломаная молния ударила во флюгер над башней Каф. Кассиопея вскрикнула, а потом сжалась от ужаса, прижав к груди бесценный бумажный лист. Фиц, оглядев с хмурым видом чернеющие небеса и мистическую смену погоды кругом, подхватил принцессу под мышку и быстро понёс во дворец.

На первом этаже их ждала встреча с его высочеством Болдуином. Одет он был в будничный наряд обыкновенного городского жителя Нор-Бона без изысков, из драгоценностей на нём была лишь серебряная булава с нанизанным на неё кристаллом чистейшего горного хрусталя и бусинкой красной яшмы. Фибула скрепляла коричневый палантин на правом его плече. И палантин этот мог при надобности служить всякому его носящему капюшоном, если тот по какой-то причине не желал раскрывать тайну своего происхождения.

"Болдуин, по всей видимости, запланировал выйти в город негласно, — отметил про себя Фиц и всего лишь вежливо и молча тому поклонился. — Знает ли он, как испортилась снаружи погода?"

Видно было, что его высочество спешил, но в последний момент мужчина остановился и сухо поинтересовался:

— Куда направляетесь? — Он оглядел обоих: и выпускника Военной Академии, и дорогу племянницу.

— В зал для тренировок, — отчитался сын алхимика и решил нужным всё же предупредить, раз с ним уже заговорили: — Ваше высочество, снаружи вот-вот начнётся сильная гроза...

— Да, дядя! — его перебил звонкий голосок. — Не время для прогулок. Ты бы видел, как над нашим домом разверзлась ослепительная молния! И кругом стало черным-черно! — эмоционально расписывала Касси свои впечатления от увиденного природного зрелища.

Болдуин присел перед ней.

— Крошка Каспи испугалась? — его голос заструился мягче, не намного, но Фиц поразился даже этому послаблению. Брат короля, насколько он помнил, даже к своим детям ни разу так сердечно не обращался. Быть может, потому, что у него были одни лишь сыновья? К ним и подход строже. А принцесса во дворце всё же — одна единственная. Да и радовала она глаз своей самородной милотой, как тут оставаться равнодушным?

Однако, внимание дяди принцессу тоже смущало, её голос тут же запнулся:

— Э-э... немножко... да, испугалась, несильно, — покачала она головой очень активно, — принцесса ведь должна уметь всегда-всегда взять себя в руки.

Фиц усмехнулся: "Как же! Немножко! стыдно поди признаваться перед мужественным дядей, который ничего не боится. Вон даже в грозовую темень куда-то собрался. Нипочём ему ни холод, ни ураган".

— А это у тебя что? — дядя пальцем постучал по бумаге, которую девочка прижимала к себе.

— Портрет, — хвасталась она и плутовато покосилась на Фица. — Мне его учитель нарисовал.

— Действительно? — Болдуин поднял брови и посмотрел на молодого парня.

Люстра под потолком внезапно погасла. Все пятьдесят свечей одновременно. Вскрик застрял у Касс в горле, и она не издала ни звука. Мрак рассеивала лишь парочка слабых светильников, стоящих то тут, то там.

Но Фиц ответил без колебаний:

— Есть у меня такое увлечение. Бывает, рисую людей, с которыми сталкиваюсь за день. Так, не стоит и внимания, — отмахнулся он от даровитости и умений.

В следующее мгновение в окно поблизости забарабанил крупный дождь. Звонкий, будто осколочный. А ещё через секунду белая вспышка молнии осветила погребённый в полутьму дворцовый холл, коснувшись мерцанием света скульптурной лепнины на потолке, старой картины в потемневшей золотой раме и верхнего столбика лестничных перил. А потом тьма снова обступила их троих.

Жуткая картина, которую Касс видела перед собой, заставила её поежиться. Но ничто из этого, казалось ей, у мужчин беспокойства не вызывало, и она решила довериться им. Раз их это не пугает, то и её не должно. Кажется, никто не заметил её страха. Вот и хорошо.

— Что ж, принцесса довольна, — его высочество медленно поднялся, так и не оценив, талантлива ли работа, он спешил, — значит, внимания вы всё же заслуживаете.

— А тётя у себя? Очень хочется показать ей рисунок, — спросила его племянница.

— Я только от неё. Беги скорее к ней. В скором времени она надумала принять душистые ванны. Если поспешишь сейчас, как раз застанешь.

Хлопнула дверь. Мужчина вышел в дождь.

— А наш урок? — Касси вопросительно глянула на своего мастера меча.

Казалось, только Фица волновало место назначения принца: неужели дела не подождут? Зачем же идти в тёмный ливень? Что за дела проворачивает этот загадочный Болдуин? Девочка ждала от него ответа, и он, с трудом оторвав взгляд от парадного входа, её обнадёжил:

— Подожду тебя.

— Тогда я быстро. Туда и обратно. — Она подскочила и побежала, стараясь не думать, почему парень выглядел рассеянным.

Сын алхимика же прислушивался к своим внутренним ощущениям: "Не нравится мне это дурное предзнаменование. Такая гроза — предвестник мощной силы. Что-то приближается. И гость этот нехороший".

— Касс... — вырвалось у него случайно, и он с тревогой устремил взор туда, где она исчезла.

Белая молния во второй раз выхватила случайные предметы из комнаты и посеребрила внутренние стены дворца, нарисовав новые уродливые тени в самых неожиданных местах. Они были похожи на монстров.

— Шарли! Шарли, посмотри, что Фиц мне нарисовал! — Она ворвалась в её нежно-пудровые, золотистые покои и была такой воодушевленной.

Пока не нашла её мёртвой на полу, где разбросаны кубики карамельного щербета и перевернута упавшая тоненькая серебряная тарелка.

Касси стремительно бросилась к ней, дёрнула за руку:

— Тётя... Шарли. Вставай. Почему ты не встаёшь? Ты ведь не умерла? Шарли...

Ответом ей была тишина.

Свинцовый рисунок выпал из её растерянных рук. Они дрожали. За окном каркнула ворона.

Глава 5. Багровые слёзы

Тот самый день.

Они умирают. Каждый, кто любит меня. Кто бы ответил, почему так?

На небе взошла луна, сторож с фонарём разгуливал по стене ворот, высматривая кого-то с улицы. Внизу несли караул солдаты, их сменяли ровно в полночь. Мой взгляд переместился на часы в моей комнате: две минуты — и охрана сменится; и Фиц, наверное, пойдёт спать.

За него страшнее всего. Мне всё казалось: он следующий. После смерти Шарли. Мне не рассказывали, но я слышала, что её отравили. Дядя в безумии разворотил спальные покои моего отца и разгромил всё южное крыло четвертого этажа. Падали стеклянные фигурки, картины, статуи и свечи. Слуги только поспевали выливать кувшины с питьем на обугленный ковёр, чтобы предотвратить пожар. Но все старались держаться от дяди Болдуина в стороне. Я стояла там бледным призраком с мокрым лицом и подглядывала за его мученическим видом. Он кричал, валялся на полу и горько плакал. Он корил себя, что в тот час его не было рядом с ней.

— Что вы сделали?.. Что вы сделали с моей любимой? — ревел и рычал он, когда стража заломила ему руку, а кулаком второй он бил вне себя пол под своим лицом. — Я должен был остаться... она ведь благочестива и праведна, за что?..

Я никогда не видела его таким прежде. Но разделяла его боль. В тот миг я поняла окончательно, что боль меняет людей. Меняет без возможности вернуть себя.

— За что?!

Мы не знали, к кому он обращается. Кому он всё это говорил. Король, как и брат, был подавлен. Тяжёлая утрата отпечаталась и на его лице, на родного брата он смотрел с сочувствием и, похоже, не винил за погром, а охране жестом ладони велел быть с моим дядей поучтивее.

Никто не спешил его уводить. Все ждали, когда его высочество придёт в себя. Когда он перестал буйнить и чинить разгром, гвардейцы его осторожно отпустили. Но следили за его действиями и в случае повторного приступа невменяемости вновь были готовы применить силу. Однако, разум в нём победил. Дядя аккуратно встал и, шатаясь из стороны в сторону, медленно пошёл по развороченному коридору. И когда проходил мимо того места, где я стояла, он не поднял глаза, он ни на кого больше не смотрел, а в зелёных глазах его я увидела одну большую пустоту и застывшие слёзы.

Я утёрла мокрые щёки и отошла от окна. Меня мучили кошмары, и я проснулась за полчаса до полуночи, а после я бы уже не смогла заснуть.

Рванный крик раздался неожиданно, когда я залезала обратно в кровать, чтоб согреть ноги.

Что происходит?

Слезла обратно и застыла мертвым чучелом посреди комнаты, вслушиваясь в ночную тишину. Темнота начинала пугать сильнее обычного. Через минуту кто-то опять закричал, а потом голос резко оборвался. За дверью послышался топот ног, затем снова всё прекратилось. Шаги возобновились в тот самый момент, когда я приложила ухо к двери. Моё тело аж подпрыгнуло от страха.

Пальцы инстинктивно задвинули щеколду, и я отступила вглубь.

— Фиц... — позвала я шёпотом, словно он услышит меня и придёт, словно не понимая, что неоткуда ему тут взяться.

Дворец будто сошёл с ума. Возгласы повторялись всё чаще, шума и возни становилось больше. Суевливый ум подсказал подбежать к ящику стола, взять клинок и засунуть его под

одежду. Но рубашка для этого не годилась, и мои пальцы, не теряя времени, подхватили со спинки стула синюю мантию. Ноги нашарили мягкие туфли.

Надвинув на лоб капюшон, я выскользнула за дверь и побежала к маме. Из-за угла резко выскочила перепуганная служанка, отчего сама я чуть не заорала при виде её окровавленного лица. Платье на груди было так же перепачкано темной кровью.

— Кассиопея! Ваше высочество, — взяв себя в руки, заторопилась женщина, — нужно уходить. Я отведу вас к вашей матушке. Пойдёмте. — Мою руку схватили мертвой хваткой. — Сюда, моя госпожа.

Я спотыкалась, и она умоляла:

— Не отставайте, прошу вас.

— Клементина, что случилось? — Я не понимала, что произошло. — Откуда все эти крики? И кровь на твоей одежде? Мы убегаем от бандитов? Бандиты напали на наш замок? Пожалуйста, Клементина, объясни, кого нам бояться?

Запнувшись о подол мантии, я летела носом в пол, но служанка меня удержала и, нервно сжав плечи, нетерпеливо бросила в лицо:

— Они убили половину стражи и половину слуг! Если кто-то из них попадетс нам на пути, нас не пощадят, девочка!

Она грубо дернула меня вперёд.

— Кто? Кто не пощадит? — запыхалась я.

— Заключение. Кто-то выпустил их.

Эуф... тоже с ними?

Она сказала, что умерло уже половина стражников?

— А Фи... — мой вопрос оборвался на полуслове, когда Клементина резко вытолкнула меня из коридоров на мостовые дорожки над двором Церберов.

Свирепый ветер швырнул мои капюшон и распущенные волосы за спину. Мои рукава надувались, слабый узел шнуровки быстро развязался, и в шею, грудь, живот подул морозный холод. Тонкое белое платье пропускало его порывы, что причиняло почти физическую боль. Как и то, что моя обувь была без твердой подошвы — ноги обожгло. Но служанка не давала мешкать:

— Они видели нас. Скорее!

Когда мы перебежали центральный мостик-перешеек, я обратила внимание на то, что творится внизу. А там под огнями фонарей церберы постарше в неистовстве драли человеческую плоть. Два гиганта когтями и зубами разрывали людям тела. А те, что поменьше — скулили в своих клетках. Ворота в сад были распахнуты, несколько волшебных существ, видимо, вырвались и туда.

И боюсь, они грызли всех без разбора.

Побледнев, я отвела глаза.

— Ваше высочество! — прикрикнула на меня Клементина, и я ускорила шаги.

— Но спальня моих родителей не в той стороне, — вдруг опомнилась я, когда мы очутились в западном корпусе. — Клементина, куда ты меня ведешь?

— Ваши матушка с отцом покинули свои покои около часа тому назад. И сейчас мы направляемся к ним.

А она не обманывает меня?

— В тайную комнату дворца, — добавила женщина. — Родители ждут вас там.

Надежда, что она говорит правду, приободрила меня. Я не смела в ней сомневаться.

— А Фиц? Ты не знаешь, он жив? — его судьба не давала мне покоя.

— Кто это? — небрежно отмахнулась она. — Девочка, не время думать о других. Нужно спасаться самим.

— Ты не знаешь Фица? — наивно спросила я. — Он стражник. Он мой учитель.

— Не знаю, ваше высочество. А сейчас помолчите. — Клементина строго прижала указательный палец к губам и заглянула под лестницу. — Гвардейцы, — облегчённо выдохнула она и побежала со мной вниз.

— Её высочество, — оживились солдаты тотчас и переглянулись.

Они были рады меня видеть?

— Что одеревенели? — накинулась на них сопровождавшая меня служанка, одного даже пихнула плечом, чтобы не стоял на дороге. — Девочку нужно отвести к королю. Её защита — дело первостепенной важности. Давайте же, не стойте. Или вы возложите эту обязанность на одну хрупкую женщину? — пристыдила она их.

— Да, мэм, — ответил кто-то нерешительно, засунул в ножны окровавленный меч и крепко взял мою руку. — Идём, я отведу тебя к твоим родителям, — сообщил он мягким тоном.

Остальные пошли за нами. В смятении я обернулась на Клементину: она ведь не бросит меня?

Но от того, что увидела, меня чуть не вывернуло. Гвардеец, что шел позади, одним ударом меча рассёк шею служанки, а второй рукой зажимал ей рот, чтобы никто не услышал её смертельного крика. Они рассчитывали, что я не обернусь и не увижу этого? Заметив мой ошарашенный взгляд, убийца выкрикнул:

— Заткни ей рот!

Только теперь я поняла, что никого из них не узнавала. Или всё же видела одного? Фиц отругал бы меня за нерасторопность, поэтому я жестоко укусила руку гвардейца, меня державшего, и дала дёру.

— Держи, держи её!

Вперёд. Вперёд! Только не смотри назад, Касси. Только не смотри!

Они догоняли. Я едва не впечаталась в стену на повороте, но тут же рванула в два раза быстрее. Несмотря на усталость, несмотря на боль в ватных ногах. Я отбросила мантию за плечи, и больше ничто не замедляло мой бег. Отставая, синяя ткань знаменем развевалась в воздухе.

Я бежала, пока не наткнулась на высокую фигуру, вынырнувшую из темноты. Достать на бегу клинок, полоснуть по загребущей руке и побежать дальше — никто не ожидает нападения от одиннадцатилетней принцессы. Я старалась не думать, насколько больно то, что я сделала.

Лестница. Ступеньки. Не свалиться бы кубарем.

Место назначения моим мыслям не известно, ноги знали лишь одну команду. *Бежать!* Неважно куда.

Им бы удалось меня догнать, если бы не появившиеся другие гвардейцы в той же форменной одежде:

— Принцесса, к стене!

Я посчитала, что эти хорошие, и инстинктивно взяла влево. Ударилась плечом в стену, вжала голову в плечи и обернулась. Один из них закрыл меня широкой спиной и отчаянно дрался с моими преследователями. Второй помогал ему. Но силы были не равны, и я знала, что рано или поздно моих защитников ждёт один конец. Смерть.

Не задумываясь, я снова побежала.

Мне попадались мертвые тела и раненые по всему дворцу, я перескакивала их и перепрыгивала, подбирая подол мантии, успевшей впитать лужи крови и потяжелевшей. Один из сбежавших бандитов — весь в лохмотьях, грязный, непричесанный — хотел поймать меня, выставив руки. Его меч был воткнут в гвардейца, и он не успел его вытащить. Но когда его руки оказались заняты мной, я одним махом разрезала кинжалом ему лицо. Брызнула кровь, и он, рефлекторно выпустив добычу, поднёс ладони к своей кровавой физиономии.

— М-м-м! — выл немой. — М-м-м!

Но меня уже не было в той части дворца. И могла я думать лишь о том, куда попала его кровь, если мне не на лицо. Она была на моих волосах, фу!

Отвращение было невыносимым, но я боролась с ним, каждые две секунды выталкивая из своей головы мысли о мерзости вокруг. Металлический запах стоял повсюду.

Фигура, быстрая, мужская, проскочила мимо меня наперерез. На расстоянии двух метров от лица. Если бы я бежала быстрее, мы бы столкнулись. Я пребывала в таком рассеянном недоумении, что сразу и не осознала, что уже не несусь, сломя голову, куда-то.

Стражник тоже резко затормозил, но уже далеко от меня. Видимо, до него только в эту секунду дошло, что справа он что-то видел. Развернулся и посмотрел на меня в упор.

— О Матерь Божья! — прочла я по его губам, и он кинулся назад.

Я стояла столбом и не могла поверить, что правда встретила его.

— Касси, как ты? Что делаешь тут одна? — Он быстро ощупал меня и с непониманием оглянулся на коридор, откуда я появилась.

Его ладонь, легшая мне на макушку, нащупала слипшееся уплотнение волос, но он не отдернул руку.

— Фиц, — я была так счастлива его видеть, что не сдержалась и повисла у него на шее, выронив кинжал. — Гвардейцы убивают друг друга, — жаловалась я, крепче его обнимая и боясь, что меня отдерут от него. — Я не знаю, как отличить хороших от плохих, Фиц. Не знаю. Поэтому бежала со всех ног.

Парень обвил руки вокруг меня и поднялся с колена:

— Уходим отсюда.

Подхватил кинжал и заставил сжать пальцами.

— Клементина сказала, что половину слуг и стражи убили. Я боялась, тебя тоже, — шептала я ему в ухо, пока он уверенно искал пути отступления.

— Твоего учителя не так-то просто убить, да? — бросил он с насмешкой.

— Ты знаешь ещё какие-то секретные техники боя? — спросила я и почувствовала себя наивной и глупой.

— С десяток, пожалуй, — подмигнул он мне, но его губы были жёстко сжаты, а глаза по-армейски почти непрерывно сканировали пространство. Я знала, что он нас спасёт, ведь он был подготовленным бойцом.

Как и все гвардейцы во дворце. Но сейчас часть из них была мертва.

Я трянула головой: нет, Фиц сильнее и умнее, у него преимуществ больше, он выстоит против всех, я знала.

— Гвардейцы обманули нас и перерезали Клементине горло, — проговорила тихо. — Она хотела проводить меня к родителям. Фиц, ты знаешь, где они? Где та тайная комната, о которой она говорила?

— Тайная комната?

— Угу.

— Тайная комната... — раздумывал он. — Отец мне говорил. Значит, родители там?

— Так Клементина сказала.

— Что она ещё сказала? Арчибалд Йох-Милль тоже там? Моего отца она не упоминала? — Фиц сыпал меня вопросами.

Как бы мне хотелось ему угодить, но я лишь покачала головой:

— Больше ничего...

— Хорошо, — вздохнул он разочарованно. — Идём туда, а там посмотрим.

Ещё две секунды спустя Фиц выронил меня, и я быстро-быстро отползла, потому что на нас выскочил человек с мечом. Фиц пнул его и выбил меч из кровавых пальцев.

— Держи, — он кинул клинок мне, и я поймала рукоятку. — Настоящий, — заявил он с милой иронией.

А своим замахнулся на сбежавшего узника. Я отвернулась и уже не видела, как Фиц отрубил ему голову.

Настоящий. Я держала в руках длинное острое лезвие, мне бы радоваться, но, находясь в зоне настоящих боевых действий, испытываешь не гордость, а ужас наполовину с отчаянием. Ведь им я должна буду убивать. *По-настоящему.*

— Побежали, — скомандовал учитель и схватил мою руку. — Воспользуешься им только при крайней необходимости, — дал он указания насчет меча, и я молча кивнула.

Мы добежали до комнат прислуги, и Фиц раздвинул один из трёх старых платяных шкафов, где служанки держали свои нижние платья, шерстяные чулки, курточки, рабочую униформу и что-то ещё по мелочи, я не разглядывала. Но проход был не внутри шкафа — там был рычаг, отодвинувший гранитную плитку. В полу образовалась лестница, уходящая вниз.

— У нас десять секунд, — бросил Фиц и потащил меня в подземелье.

Очень скоро серая плита над нашими головами задвинулась обратно и встала на прежнее место. В прихожей было темно, но из комнаты впереди шёл слабый свет, который и подсказывал нам дорогу. Я догадалась, что там кто-то есть, ведь лампы горели, а следовательно должны быть и люди. И я надеялась, это были отец с мамой.

Но когда мы туда вошли, я широко раскрыла глаза и затряслась. Фиц ругался крепкими словами. Он вогнал меч в ножны на поясе и обошёл тела короля и королевы, лежащих в неестественных позах в противоположных частях комнаты. Её величество за кроватью с бордовым покрывалом, а отец ближе к входу, словно грудью защищал маму.

— Мамочка... — пробормотала я.

— Они мертвы, Касс, — он уже второй раз называл меня тем же именем, что и Элүф. В первый раз — когда от меня так же требовалось мужества и он считал, что я достаточно взрослая, чтобы держать удар, каким бы жестоким и несправедливым он ни был.

Я до предела сжимала в кулаках рукоятки своих клинков, а длинный — ещё и скрёб острым концом пол, высекая тонкий скрип. Очень громкий в тишине. Убийственно противный. *Убийственно...*

Фиц приблизился ко мне, я видела в красивых глазах печаль и сожаление, но его отвлёл какой-то шум. Он бессознательным жестом поднёс руку к мечу, но не достал его. Моё сердце дрогнуло, когда и я поняла, что это были стоны моего умирающего отца.

— Папа...

Фиц подбежал к королю, нагнулся и приложил ухо к алому рту. Кровь текла по щетинистому подбородку и капала отцу на плечо. Он пытался выдавить слова.

Парень отнял ухо и странно посмотрел ему в глаза. Я боялась сделать шаг.

— Где?.. — спросил у его величество нетерпеливо и опять коснулся ухом кровавых губ.

О ком он, я не расслышала.

— Чёрт побери! — выплюнул Фиц громко, разочарованный ответом моего отца. А король больше не шептал, побелевшие губы его не шевелились, зато мои тряслись и всё не могли задать вопрос: "Он умер, да? Фиц, он умер?"

Он будто почувствовал и встретил мной взгляд.

— Касс... ему уже не помочь, — отчеканил он мрачно. — Надо уходить. Это место им уже известно... Или было ли оно вообще секретным когда-нибудь? — пробормотал он вслух, но уже не мне.

Понять его слова порой было совсем уж сложно, и я не пыталась. Взгляд Фицджеральда бегал по тайной комнате, но ни за что не цеплялся и ни на чём не задерживался.

Если даже он не понимает, что делать дальше, как быть мне?

— А куда? Куда мне теперь? — я, как могла, сдерживала слёзы, но голос выдавал всю бурю на сердце.

Фиц нахмурился и присел напротив:

— Я тебя не оставлю, — пообещал он, пристально вглядываясь мне в глаза. Затем резко встал и потянул меня к выходу из подземелья.

Мы перебежали мост над Птичьим двором, Фиц убил ещё семерых королевских воинов, которые подняли против него свои кинжалы и сабли. Вначале двое, затем ещё пятеро. Они попытались забрать меня у него, но он, несмотря на ранение в плечо, им меня не отдавал:

— Не трожь её! Она моя! — рыкнул Фиц и отвоевал *свою принцессу* липового гвардейца, посмеявшегося распустить руки.

Когда противник ударил выше, а наставник недостаточно увернулся от лезвия, кожаное наплечье защитило его.

Я жалась к стене ровно до тех пор, пока последний негодяй не повалил моего Фицджеральда на тело поверженного гвардейца, который сбивающей с ног кучей валялся на полу. Когда он так неуклюже упал, я запаниковала и, разбежавшись, воткнула меч в спину предателя. Фиц и без того оставил на нём множество порезов, но я, выходит... добила его.

Глядя, как тело уносит в сторону, я разжала пальцы и застыла. Меч остался *в нём*.

— Касси, Касси, — Фиц звал меня, и я слышала его, но ничего не могла поделать: произошедшее лишило меня дара речи.

Он взял мое лицо в ладони, пару раз нервно разгладил мне волосы, всклокоченные, расчёпанные, наверное, стараясь быть нежным, но у него не получалось, и заставил посмотреть на себя.

Я чувствовала запах крови с его ладоней, и меня мутило.

— Это было необходимо, — твердил он. — Помнишь, я тебе говорил? Только при крайней необходимости. Это она и есть. Слышишь меня, Касси?

— Я как мама, — вырвалось у меня, и Фиц с негодованием возразил:

— Нет, ты не как мама! Слушай, у меня мало времени. Сделаешь то, о чём попрошу?

Я вяло кивнула.

— Сможешь? Точно? — в его темных глазах читалось сомнение.

— Да, — прошептала через силу.

Он наспех огляделся, мы забрели в музыкальный зал второго этажа. Помимо арфы и органа тут под белой простыней стояла статуя из глины, прошедшая глазурный обжиг. Фигура моей матери в полный рост. Гладкая. Чёрная. Царственная.

Фиц хотел засунуть меня под простыню и поставить рядом с *мамой*.

— Нет, не хочу, — упиралась я, барахтаясь в простыне. И, сбросив с лица белый хлопок, увязалась за ним.

— Касс! — прикрикнул он на меня негромко и заново поставил, словно неживую статую, под покрывало.

А я всё ныла и ныла:

— Нет-нет-нет-нет, возьми меня с собой, Фиц, пожалуйста! Не оставляй меня! — Я прыгала перед ним и трясла за руку.

— Ты ведь сказала, что справишься, если я попрошу.

Он сердился.

— Но... — мои мысли метались, — я могу помочь тебе!

— Так помоги, — попросил он тихо, напряженно в моих глазах выискивая *что-то*.

Молчание длилось недолго.

Умение проникнуть ему в голову. В моих глазах он искал это.

— Без меня ты справишься быстрее — и вернешься? — поняла я и обречённо понурила плечи.

Он нехотя признал:

— Да, Касс.

Вот опять. *Касс*.

Дворцовая возня не утихала, до нас долетали предсмертные крики невинных жертв. Что-то ломалось, разбивалось и грохотало, звук железа закладывал уши.

— Ты ведь точно вернешься? — на глаза наворачивались слёзы. — Обещаешь?

Фиц склонился и провёл по моим щекам большими пальцами.

— Обещаю, что позабочусь о тебе. Но прямо сейчас я должен... — он запнулся и продолжил: — Ты только оставайся здесь. Я обязательно вернусь за тобой. Жди меня. Не выходи, пока не убедишься, что это я.

— Я буду ждать, — сказала глухо, в груди что-то болело и противилось нашему расставанию, но я молча проглотила все комки в горле и встала под простыню.

— Ты очень храбрая, Касс, — в голосе парня слышалась грустная улыбка.

Но я уже слышала эту фразу от другого человека, и уверенности она мне не прибавила.

Напротив, она жестоко напомнила мне, что это такое — *быть одной*. Тогда я чувствовала то же самое.

Простыня медленно опускалась, отгораживая от меня лицо Фица.

— Вернись поскорее, — проговорила я очень тихо вслед нетерпеливым шагам.

Силуэт пропал, и я теснее прижалась к *маминой* спине и её твёрдому платью.

Двое встали над своим товарищем.

— Я знал его. Утром только болтали.

— А передо мной хвастался, что ему в бою равных нет. И смотри — убит.

Они нашли того, кого она убила.

— Смотрите! Это же статуя бывшей королевы? — услышала Кассиопея и окаменела, почти как эта глина.

Как же так, они ведь найдут её! Почему они не прошли мимо? Почему остановились прямо напротив?

— Слышь, а ведь она неделю тут пылится. Ценный заказ короля! — громко насмеялся мужской голос.

Гвардейцы, поняла девочка. Но перешедшие на сторону врага.

— Бывшего, не забывай, — поправили его с тем же мерзким кощунственным тоном. — Король того. Помер.

Раздались смешки.

Принцесса медленно осела, став продолжением *платья*. Оно было не таким пышным, но малышка за ним умещалась. Всё внутри неё сжалось, она желала превратиться в маленькую кроху, невидимку и старалась дышать тихо-тихо.

— Ну что, кому нужна кукла? — обратился к друзьям тот, кто потешался над королём и его подарком, но на это они ответили очередным неуважительным смехом. — Никому?

Что они за люди, чтобы так глумиться над королевской семьёй?

— Господа-инквизиторы, — театрально продолжил он и резко бросил: — Отсежь ей голову!

Касс едва не закричала.

Фиц, ну где же ты? По белым щекам полились слёзы.

— Хорош, Ежен, — высказался кто-то против. — В северной части замка всё ещё идёт бой. Нам бы поспешить да помочь.

— Да справятся без нас, — ответили ему небрежно. — С десяток людей в гвардии осталось. С чего бы их не перебить? Дай развлечься. Вишь, какая кукла.

— А с заключенными что будем делать? — вопрос был задан с волнением, но его старший товарищ не напрягался:

— Половина полегло, других загоним обратно, чего о них переживать? Они же не все наемники, драться даже не умеют, через ворота не прорвутся. Эй, ты! Да, ты. Простынку скинь. Глянем, полюбуемся.

От его слов Кассиопее стало по-настоящему жутко. *Фи-и-и-и-и! Скорее!*

Они сдёрнули покрывало, но девочку за кукольной юбкой пока не увидели.

Королева во всей своей красе. Бровки. Губки. Даже туфельки сверкают.

— Смотреть не на что, — отозвался с презрением их лидер и махнул рукой: — Давай, кончай её.

Человек в одеждах королевской гвардии мгновенно разрезал куклу пополам, прямо по линии талии, и Касс закричала. Глиняное тело Лоа разлетелось на сотни сверкающих черепков. Лишь юбка осталась нетронутой, но и та пошла трещинами и чуть покачнулась. Один крупный кусок сверху отвалился и выпал. Гвардейцы притихли.

— Тут принцесса, — удивился один из них, сделав неуверенный шаг вперёд.

Они нашли её заплаканной и с личиком, перемазанным в крови. Касс медленно появилась из-за блестящей юбки, вставая в полный рост.

— Во имя Святого Духа... что это? Кровь... она идёт прямо из её глаз.

— А ты случаем лезвием её не задел?

Все были перепуганы.

— Чего встали? Взяли её! Живо!

Где же Фиц? Он бросил её?

— Убрали все от неё руки! — Она услышала голос Бью и пронзила его взглядом, полным страха и кровавых слёз. Двоюродный брат ворвался в музыкальный зал и кинулся всех отбрасывать с дороги. — Не смейте даже пальцем её тронуть!

Удивительно, но все четверо послушались пятнадцатилетнего принца.

— Ваше высочество, мы бы не посмели.

Мужчины склонили головы. Но один всё же посмел:

— Господин, но её глаза... — воин замешкался; казалось, он был уверен в том, что видел, оттого и сильно растерян.

— Молчать, — было брошено в него.

Малышка моргнула, и две горячие капли крови снова упали на её побелевшую кожу, с лица — на сине-золотой ковёр.

— Ведьма, — прошёл гул шёпота среди гвардейцев нового короля.

Кузен взял принцессу на руки и успокоил:

— Я отнесу тебя к отцу. Крошка, я не дам тебя в обиду.

"Но мой папа умер", — успела подумать Касс и отключилась, уронив голову на плечо брата.

— Касси... Касси...

Но её было не добудиться. А прелестные волосы начали на глазах обесцвечиваться.

Глава 6. Моя пешка в башне Каф

Настоящее время, 299 год от Проклятья Первой ведьмы, третий месяц осени.

Она визжала уже целую минуту. Вопли просто душераздирающие.

— Раз страшно, свалила отсюда! — рыкнула я в довершение ко всему.

Щупленькая служанка подпрыгнула и, подбежав к двери, ещё долго пыталась включить мозги.

Так она её всю расцарапает.

— Дорогуша, она открывается от себя, — подсказала я милым голоском, от которого она ещё пуще отупела и только с десятой попытки разобралась, что к чему.

Вылетела, как ни бывало.

Я расхохоталась и подобрала швабру, которую она в припадке безумия обронила. Повертела в руках: а хороший улов, пригодится!

Сделала выпад, развернулась и воткнула рукоятку в стену. Осталась вмятина. Повернулась и сбила подсвечник с потухшими свечами. Расстроилась: эта гадина не поменяла мне свечи. Бедняжка свихнулась раньше срока. Ни пол не протёрла, ни восковые огарки не убрала. Работает спустя рукава!

Размяла запястье и ещё одним приемом шваброй разрежала воздух.

Раздался звук железного троса, и я повернула голову к стене. Кухонный лифт приехал.

Закинув палку за шкаф, я подошла и отворила маленькую квадратную дверцу, в который при всём желании я не помещалась.

Со злостью сжала поднос.

— Опять не доварили! Терпеть не могу жидкий желток. Сами ешьте эту дрянь!

Посуда пролетела над головой вернувшейся служанки и раскрошилась об стену.

— Как же ты вовремя, — произнесла я тихо, но ей показалось: зловеще. Поэтому тут же сорвалась и с криками унесла ноги из моей башни.

Уже не немая, а говорить так и не научилась.

— Огарки убери, дрянь! — бросила я вдогонку и вздохнула от досады: в моей комнате когда-нибудь настанет порядок? Второй день прибраться не могут.

Возможно, надо прекращать их пугать. Но, черт возьми, это всегда так весело. Хоть какое-то развлечение, которое *само приходит на дом*.

Кто-то подумает, типа я плохо контролирую себя и взрываюсь ни с того ни с сего, но мой секрет благоразумия в том, что я намеренно даю волю злости. Импульсивна ли я? Нет. Раздражают ли такие повседневные мелочи? О да. А так я абсолютно владею собой, за исключением тех случаев, когда впадаю в Ведьмовскую Ярость. Но, к счастью для окружающих, я делаю дыхательную гимнастику, когда это помогает и когда не бесит этот дурацкий способ прийти в себя. Короче говоря, шанс уйти из моей комнаты в спокойном расположении духа пятьдесят на пятьдесят. Жаль, что я сама не могу уйти отсюда — неважно, можно и спятившей, лишь бы это стало возможным.

Итак, в замке пять башен, и в одной из них находилась я.

Намотала на палец седую прядь и спросила у Иссака, что сидит наверху книжного шкафа, болтая ногами в своей ветхой дырявой обуви:

— От меня не укрылось, что ты закатил глаза. Я, по-твоему, что-то не так сделала?

— А сама как думаешь? Моя подруга сущая ведьма!

Не поднимая головы, я спокойно теребила в руке кожаный шнурок.

— Они боятся меня. Я даю им повод. А то как-то нечестно получается, я вроде как чудовище, а бирку свою не оправдываю.

— Решила стать чудовищем? — осведомился он так же саркастично.

— А почему бы нет? — я посмотрела ему в глаза, а потом подняла руки и завязала шнурком волосы. Я больше не заплетала их в сложные причёски и не носила тиары, хоть их было у меня двадцать самых разных: из яшмы и граната, из аметиста и цитрина, из вулканической лавы и белого кварца, из амазонита и оникса. Даже алмазную Болдуин передал через моего брата Бью, но она не значила ровным счетом ничего.

Призрак мальчика был со мною заодно:

— Идея не так уж плоха. Чудовище из тебя выйдет что надо.

— Прodelки ведь по твоей части? — хитро глянула я.

— Ну? — он ждал продолжения.

— Глянь, чем там занят король. Может, пора?

— Ты же знаешь, я такое не могу, — было видно, что все эти ограничения и ему не по духу. — Лучше воспользуйся рунами.

Он спрыгнул и исчез.

Меж грудей у меня был спрятан мешочек. Я вынула темные серебряные руны и уверенно подбросила вверх. Из всех четырёх выпала Руна Иса⁵ — руна СТОП, как я её зову, или НЕ СПЕШИ, или НЕ СОПРОТИВЛЯЙСЯ, ОБОЖДИ, ПОДУМАЙ КАК СЛЕДУЕТ.

— Ну, будь по-твоему, — проговорила я вслух и задумчиво откинулась на деревянном качающемся кресле.

Как эти руны достались мне? О, эта история не длинная, уложится в короткий рассказ.

В нашем замке прислуживала таинственная женщина, которая тайком от всех давала юной принцессе, то бишь мне, вкусный отвар из ярко-желтых ягод. После той страшной ночи я заболела, и этот отвар мне помогал не сойти с ума. Но семь с половиной лет назад она вошла в мою башню в последний раз и оставила три странные вещицы, которые зарекла мне никому не показывать и не отдавать. Крохотную брошь-булавку из потемневшего золота в виде созвездия Кассиопея, толстую веревку-шнурок цвета ржавчины — подслушивающий инструмент, и четыре прямоугольные серебряные потертые руны с черными древними буквами для гадания на собственную судьбу. Булавкой проткнула маленький нежный пальчик и окропила моей кровью все дарованные предметы.

— Ритуал проводится, когда вещи переходят к новой хозяйке, — сообщила она мне, но разве это что-то объясняло? Я только глупо моргала, наблюдая за её действиями, и слегка поморщилась, когда меня укололи. Ребёнок же. И потом, доверяла я только ей.

Вэн в спешке показала, как пользоваться древними рунами Мика... Минша... в общем, название не запомнила. Но я называю их рунами ХИГС — по первым буквам их имён: Хага-лазб⁶, Иса, Гебо⁷ и Соулу⁸.

— Если случится, ты встанешь перед трудным выбором, спроси у рун. Они подскажут тебе ответ, сумеречное дитя.

Да, так и сказала. *Сумеречное дитя*. А мне теперь гадай, что это значит. Но поехали дальше, перемотаем все эти долгие нудные отступления.

— Но помни, — продолжила наставлять Вэн, — если жизнь на волоске, нет времени понимать знаки и прямо здесь и сейчас, в эту секунду, решается твоя судьба, задавай только те вопросы, на которые можешь получить ответ либо «Да», либо «Нет». Все четыре упали к тебе лицом — это «Да». Все четыре легли вниз — это «Нет», поняла меня? Повтори.

⁵ Ожидание, остановка для восстановления сил, застой.

⁶ Боль, гнев, разрушение, неблагоприятные условия, болезни, непредсказуемость и нехорошие перемены.

⁷ Партнерство, дружба, любовь.

⁸ Успех, сила, свет, исцеление, исполнений желаний.

Маленькая, смышлёная не по годам Кассиопея — то бишь я — кивнула, повторила слово в слово наставления любимой няни и крепче сжала в ладони дар служанки, а на следующее утро Вэн исчезла. Позже во дворце поговаривали, что женщина получила расчёт и ушла в дальние странствия, о которых, по словам остальных слуг, грезил уже почти десяток лет — именно на такой срок заключался контракт на служение немых в обмен на голос. Понятное дело, слухи дошли ко мне не сразу. Не каждый осмеливался со мной заговаривать. Более того, после ухода нянечки Вэн не сразу нашлись смельчаки мне в услужение. Ведь по дворцу ходили и другие слухи: в башне Каф заперто чудовище, которое погубит королевство.

За стенами замка было запрещено рассказывать о выжившей принцессе, это мне уже поведал брат Бью, когда я прямо у него спросила, почему подданные так безразличны к моему заточению, неужели им не жаль меня.

Тем, кто знал обо мне, было не жаль. Ведьма разве человек? Разве умеет чувствовать?

Не человек и не умеет, считали они.

Может, они правы. Быть человеком я точно разучилась. А вот чудовищем — попробовать стоило.

На подносе оставался чай из калины и сушеных яблок. Вонь от него просто тошнотворная, но на вкус ничего, даже приятный. Я выпила и поставила пустой стакан, переключила рычаг, и лифт спустился. Стоял внизу до обеда, а потом до ужина. По нужде сходила в горшок. Вечером ко мне наведались две старые служанки с ведрами, заполнили медную бадью нагретой водой и принялись за мое омовение.

Я вошла в воду и переложила на одно плечо свои волосы, они уже были русыми. Кончики тут же наполовину намокли.

Горничные покрывали мое тело пеной и аккуратно проводили серебряным лезвием ножа по моим лодыжкам, голени, под коленом и по нежной коже бедра, сбривая лишние волосы. Бритву мне в руки не давали. Пару раз я отбирала её — ну просто же, в самом деле, — но стражники, стоящие на своем посту денно и ночью за моей дверью, несмотря на наготу принцессы, всё равно входили и после десятиминутной сдержанной борьбы с голой девчонкой неминуемо тоненький ножик отнимали. Потом я перестала позориться, но с чувством унижения навсегда распрощалась. После такого-то петься о репутации? Шутите что ли?

— У тебя новая прическа, пучеглазая? — поинтересовалась я, скосив насмешливый взгляд на одну из своих «подружек». — Миленько.

Затем носом вошла в чужое пространство и вдохнула букетное веяние. Та чуть не дёрнулась от страха.

— Надушилась. Сладко. Свидание? Или уже было? Но, Кармелитта, ведь ещё утро, а по утрам нужно быть собраннее и не думать о всяки-их... пустяках.

На мою страстную вежливость не реагировали, и я рассмеялась сумасшедшим Ведьминским Смехом, от которого задрезбжали стены. Противный, старческий — он внушает ужас у людей.

Но при всём моем старании служанки делали вид, что моют обычную госпожу. Привыкли за семь лет. Но как же долго они привыкали — вот это уже длинная история, она в целый том не уложится. Вроде как в башне страдалица я, а орут как заколотые почему-то другие.

Показалось, одна чуть Богу душу не отдала.

Но это опять были мои фантазии.

Присмотрелась критически и уважительно хмыкнула: держится, ни одним мускулом не выдала, что боится. Землетрясение прекратилось, вода в бадье приняла спокойную гладь, я лениво расслабилась.

Они высушили мне волосы теплым хлопковым полотенцем, переодели в платье для сна, сменили туалетный горшок и так же молча упорхнули. Ну и прибрались возле двери — разбитую посуду унесли, ведро с половой тряпкой. Скукота.

Я уже ложилась, когда в комнату заглянул Бью, мой третий двоюродный брат. Всего их было четверо, младшему было восемь с половиной, старшему двадцать шесть, второму двадцать пять, а Бью — двадцать три.

— Уже спишь? — спросил он недоверчиво, когда я повернулась к нему спиной, затем прикрыл дверь и зашёл.

Я сомкнула глаза и ощутила, как кровать подгибается под его весом: принц крадучись присел.

— Слушай, Касси, ты бы не могла с новенькой... ну, помягче? У неё ведь и крыша от такого поехать может.

Я резко развернулась и села в постели:

— Нет, не могла бы! Что мне какая-то там служанка? Вы держите меня тут, с чего бы мне подчиняться правилам, Бью?

Он вымахал красавцем. У него были такие же золотые кудри, что у тётки. Такие же серокарие добрые глаза, которые сейчас смотрели на меня с грустной улыбкой, и в доброту я их не верила.

— Ты знаешь, я много раз подходил к отцу, но он не хочет...

— Вот и я не хочу. Не хочу!

Он припал спиной к изголовью кровати и обхватил ладонями колено ноги, легкомысленно перекрещённой с другой. Всем видом демонстрировал, что открыт к разговору. Беспечный шалопай и болтливая заноза в заднице.

— Послушай, Кассиопея, он не желает тебе зла. Он хочет наладить общение, но не знает, как подступиться. Ты ведёшь себя дико, вот он и принимает меры.

— Как у тебя всё просто! Если бы дело было только в этом, — я посмотрела в арочное окно башни, отвернувшись от него.

Повисла тишина.

— В пророчестве, да, — признал он безрадостно. Он забыл упомянуть, что его отец убил моих отца и мать, почему-то мы не говорим об этом, а так всё прекрасно! Меня окружают изобилие и радушная семья! — Но всё ведь не так уж и худо. Вот я уверен, что оно не о тебе. Отец тоже поймёт это рано или поздно. Тебе ведь уже исполнилось девятнадцать, а значит пророчество это — полная брехня. Не сбудется оно. Поверь мне на слово, скоро ты выйдешь отсюда! Я сам, не представляешь, как жду этого момента. Столько всего мне бы хотелось тебе показать.

Его бодрый тон звучал слишком уж комично. Верил ли он сам своим словам? Я даже не сомневалась, что нет. Оптимистичный дурак. Зачем мне эти байки?

— Как тебе кошмары на ночь? — невинно спросила я.

— Да вроде не жалуясь, — непонимающе нахмурил он брови.

— О чем и речь, — мило улыбнулась я, и он переменялся в лице, подскочил и поспешил убраться.

— Я... завтра зайду, спокойной ночи, — заикаясь, бросил он, перед тем как притворить дверь.

— Спокойной, — произнесла я томно и убрала дурацкую улыбку.

Истинная Ведьма никому не была по нраву. Я отпугивала одним своим видом, если в неё перевоплощалась. Становилась героиней их долгих кошмаров.

Я клацнула зубами и громко расхохоталась. Стены вокруг приятно затряслись.

Может, превратить башню в руины? Вот только быть погребённой под камни не очень-то хотелось.

На следующее утро Бью пришёл ко мне с вестями:

— Отец женится!

В голове пронеслась мысль: "Это мой шанс!", и только следом: "Вот же гад! А как же бессмертная любовь? Шарли ведь ждёт его, надеется, что он присоединится к ней после смерти. Предатель!"

— Когда? — услышала я свой абсолютно ровный голос. Мои пальцы коснулись мягкого шёлка, я выбирала платье на сегодняшний день.

— Через две недели.

Маму Бью любил, и новой мачехе был не рад. А жаловаться пришёл ко мне:

— Девица эта странная. Не пойми откуда взялась. Отец просто помешался на ней. — Он мерил шагами мою комнату. — Нет, я не спорю. Чем-то она похожа на нашу мать. Красавица. Светлая, праведная такая, милая и невинная. Но она всего на год меня старше!

— Она тебе нравится? — предположила я, с усмешкой вперив в него взгляд.

Он тотчас взелся и взглянул на меня, как на дуру полоумную.

— Да ты что? Она? — Он перекрестился трижды. — Она ж слепая! Беспомощный щенок, которого выкинуть жалко! Но кто-то всё же выкинул, отец её в дороге подобрал, — блеснул Бью остроумием.

— Слепая? — ухватилась я и задумалась. — А сколько флаконов эликсира осталось?

— Последний! — выплюнул он вспльчиво. — И его он отдаст ей! Столько лет сэкономили, и какой-то проходимке достанется на церемонии последний флакон!

Мои губы расплылись в дьявольской улыбке. Брат это заметил и насторожился, сбившись с шага:

— Я так понял, у тебя есть идея расстроить эту свадьбу.

По глазам видела, ему любопытно, и в то же время он опасался моих методов.

— Укради флакон, — пожала я плечами с самым безобидным видом. — Устрой свадебный переполох. Любой может стать твоей пешкой.

Что означало "можешь поручить это другому, ты же умный".

— Ты так мне предлагаешь это уладить? — на его лице расцвела довольная ухмылка.

Я посмотрела на него с тем же выражением, но бедняга Бью даже не догадывался о моих мыслях.

Любой может стать моей пешкой.

Дух лучшего друга сидел на подоконнике из черного дерева и — человеком невидимый — громко мне аплодировал.

— Играем нечестно и подло. Как я это люблю.

А вы думали я положительный персонаж в своей истории? Разве вы ещё не слышали мой смех?

Глава 7. Сила мертвеца

Двумя неделя позже.

Свадебное торжество. Тик-так. Тик-так.

Выжидание того стоило. Я подбросила вверх магические руны, и они упали точно мне на ладонь — ведьминский приём и ловкачество. Как высоко бы ведьма ни бросила, им не упасть на землю, пока мы того не захотим. Вот такой вот фокус. Этому меня тоже Вэн научила.

Руна Соулу. Руна ДЕЙСТВУЙ. ФОРТУНА НА ТВОЕЙ СТОРОНЕ, так что впредь и без оглядки!

Литеры отправились обратно в ложбинку груди.

Перевязала ручку двери шнурком — и четко услышала дыхание одного человека. Второй, как и ожидалось, отошёл устранять свадебные неудобства: вместе с элитным дворцовым войском искать грабителя. А ведь ещё отряд храбрых солдат будущую королеву должен защищать, людей решительно не хватает.

Или у кого-то пара-ано-ой-я-я. Не завидую. Меня вот защищать без надобности. Лучшие бы и этого забрали. Но что уж теперь. Один так один. И его уберём.

Кожаный шнурок сам по себе материализовался у меня на ладони, не пришлось развязывать, и я быстро завязала им темные волосы.

Швабра, мешочек с монетами на пояс, которые я кропотливо собирала по дворцовым комнатам в прошлые свои «побеги», ножик — кинжал у меня отобрали, но я обзавелась новым во время одной из тренировочных вылазок, и моя любимая двухцветная теплая пелерина: черная с одной стороны, красная с изнаночной, и наоборот — носить можно по-всякому. Сегодня лучше быть неприметной.

Завершив приготовления, я пнула нежной ножкой заготовленное ведро, и вода, смешанная с кровью, вскоре стала подтекать под дверь. Коварная, затаилась я сбоку от двери. Когда в коридоре образовалась достаточная лужица, чтобы начать волноваться за мою безвременную кончину, в замочной скважине начали неистово копошиться. А потом мой надзорный резко вломился, и я его по шее сзади — не шваброй, ребром ладони. Гвардеец тотчас распластался на моем ковре с синими цветочками. А книги не ввали — я отдала честь шкафу, сверху донизу наполненному справочными и художественными изданиями. Своровала у мужика ключ, заперла дверь и вышла на прогулку.

Через окно пришлось бы намочнуть, но выбираться в стужу из водного канала... в общем-то гораздо проще. Это в летнюю пору от меня могут ожидать ошеломительные прыжки с башни, а поздней осенью, учитывая тонкую корочку льда... разве ж убиться как-то иначе не проще? Так подумают они, и караульных на время ледяных дней уберут.

Но смерть в моих планах не стояла, и я безыскусно, по старинке, полагаюсь на руны. И сейчас они мне подсказывали сразу после винтовой каменной лестницы повернуть направо, налево и выйти через кухню, часть которой находилась под башней. Оттуда в конюшню, из неё на сеновал, чтобы перелезть ограду, — это уже Иссак предался воспоминаниям по тем дням, когда мы озорничали.

— Сзади, — предупредил дух мальчика, и я технично уклонилась от гвардейца, дежурившего на кухне и следящего за блюдами для торжества. За тем, чтобы никаких ядов в него не подсыпали.

У Болдуина точно паранойя!

Я присела, сделала подсечку шваброй, а потом, когда мужик упал, ею же ему в промежность и вдарила. А когда он успел выкрикнуть:

— У нас побег!

Мне оставалось удивиться его выносливости и метнуть кинжал ему в шею. На секунды четыре меня охватил рассеянный шок, и нож с трупа я вынула с задержкой. Думала, после того раза мне не составит труда убить кого-то и сердце не сожмут последние отголоски милосердия. Но времени на мрачную ностальгию не было, на вопли поваров могли прибежать люди.

— Заткнулись все! — приказала я. Холод в моих глазах смерил каждого присутствующего повара и служанку, и они вжали свои спины в горячие кастрюли, не смея издать звука. От неуклюжих телодвижений на пол посыпались луковые стебли, соль, глиняные горшки и деревянные половники. На огне жарилось мясо, в печи подгорали пирожки.

Не тратя времени понапрасну, я прошествовала через всю кухню, но вдруг заметила слева от себя ребёнка.

— Прошу вас, госпожа, только не моего сына, — вперёд него выскочила дама зрелых лет в кухонном чепчике. Несмотря на страх, она заслонила своё дитя. — Он ведь не пожил толком! Уходите, мы никому не скажем, что видели. Но только не троньте моего Кешона.

Мальчику на вид лет пять, глядел на меня со всеобщим стеснением, не понимая, кто я и зачем следует бояться. Я усмехнулась и пошла к выходу в конюшню через складские помещения. Повезло, что кухня находилась со стороны восточной стены, ведь оказаться я могла и в самой западной башне Сегин, а оттуда сбежать невозможно. Кухонный лифт сберёт прислуге не только ноги, но и чувствительные нервы. Чем реже меня видели, тем их дух был спокойнее. Такая прослеживалась закономерность, что, несомненно, вне всякой логики, ведь милее меня никого не сыскать в этом дворце.

Но отвлекаться на шутки сознания не стоило. Моя злорадная улыбка потухла, едва меня позвали:

— Кассиопея. Как знал, что свой побег ты запланировала на сегодня. На твоём месте я поступил бы так же.

Я мысленно прокляла его. Крепче стиснув нож, обернулась. В белом парадном мундире, он стоял облокотившийся на столб между стойлами.

— Торбен, — в выражении моего лица не было ни единой эмоции.

Он не должен знать, что всё идёт не по плану. Напротив, ему не помешало бы думать, что он и есть часть моего сценария.

— Думаешь, ты помешал моему плану?

Высокомерный взгляд смутил его, и он, выпрямив позвоночник и отойдя от стойла, заговорил по-другому:

— Сестрёнка, не дури. Я делаю всё для того, чтобы ты не чувствовала себя отверженной. Платья, книги по естественным наукам...

— Прискорбно, ведь именно так я себя и чувствую, — пожалала я плечами безразлично. Он что, целый список доступных мне привилегий принял зачитать? — При всём уважении... к твоей маме, — добавила я нарочито грубо, — ты не сделал для меня ничего, за что я могла бы быть тебе благодарна. Потому что только мне одной не позволялось выходить из той башни, в которой меня заперли.

Вот что было мне нужно, а не те вещи, что ты мне присылал, убудочный ты благодетель! Я тебе не кукла, которую можно наряжать и принуждать играть в своей постановке. Я не принадлежу убийцам своих родителей, подчинения от меня никогда не получите!

Ты хоть помнишь, сколько раз слуги пробирались под покровом темноты и пытались убить меня в детстве? Забыл? А вот я ничего не забыла.

Серьезный, непринужденный, новый наследник короны пристально и долго изучал мое лицо, по-прежнему со скрещенными на груди руками.

— Ты знаешь почему, — ответил он коротко.

— Конечно, — я позволила себе легкую саркастичную улыбку. — Ты метишь в короли, а я тебе помешаю.

Лицо брата стало жёстче, будто слова обидели его.

— Ты мне не угроза, — покачал он медленно головой.

— Очевидный ответ для мужчины, — кокетливо пожала я плечиками, чем ещё больше его выбесила.

Но Торбен большой мальчик, который последний дух испустит, но не покажет эмоций. Крайне замкнутый и себе на уме, вылитый отец, визитная карточка которого — непредсказуемость. Даже я не могла предугадать следующий его шаг. Кто знал, что он тут поймает меня?

— Ведьме не место на троне.

— Ах, так у нас двойная проблема. — Я развела руки, незаметно вогнав нож в рукав: — На одной чаше весов мое естество, на второй — трон, — нахально парировала я, несинхронно качая ладони вверх-вниз. — Но, как видишь, обе чаши мои. Так бывает, смирись, Торбен. Иногда эти две вещи сочетаются, и кто ты такой, чтобы выступать против Бога, такое чудо как я создавшего.

— С чего ты взяла, что Бог приложил к этому руку? — спросил принц мрачно. — Я склоняюсь больше к Дьяволу.

— Бог и Дьявол, тебе самому не смешно? — отозвалась с сочувственной иронией. — Не говори, что платишь за себя гербом, Торбен. В номинал-то монеты ты тоже заглядываешь. Где Бог, там и Дьявол, или даже эти двое — одно лицо.

— У меня другие представления о прекрасном и дурном. В моей догме они далеко располагаются друг от друга.

— Тогда тебе надлежало убить меня ещё восемь лет назад, — жестко отрезала я, в напряженном уме разрабатывая пути отступления. Острый глаз подмечал предметы окружения. Медлить было нельзя, скоро сюда прибудет стража.

— Ты моя сестра, я не мог, ты понимаешь. — С этими словами он сделал шаг вперёд. — И потом, я думал, ты вырастешь не такой. Надеялся, останешься светлой доброй девочкой.

Он делал шаг — я отступала.

— Разочарован? — спросила со смешком.

Между его бровями залегла складка.

— Не совсем, тебя ещё можно спасти от себя самой.

Как интересно он собрался меня спасти, не изменяя своей тупой, чертовой догме, которую сам же выдумал? Ведьмой-то я быть не перестану.

— Поздно! Это вы меня сделали такой! Вы меня замучили! — Я резко выставила руку в сторону, и кинжал перерезал веревку.

Шесть стогов сена рухнули вниз на его высочество. Его прибило к полу, а потом и я ещё сверху с разбегу на стог наступила, запрыгнула на перегородку стойла, ухватившись за столб. Лошадь заржала. И прошлась по забору до узкого поперечного окна под самым потолком. Подтянулась и вылезла, пока Торбен не очухался. Опустила раму и, спрыгнув, пружинисто приземлилась на узкий выступ между восточной стеной и каналом, словно с большой неохотой уходящей в сторону от дворца, так что дорожка, которой не было ни сантиметра под башней Каф, примерно беря начало с половины длины всей конюшни, расширилась к югу.

Три метра осторожного, выверенного шага — и я побежала вдоль высокой стены мимо дозорных площадок: сверху меня не замечали. На лёд выходить опасалась, снег давно лёг, но вот погода шалила и иногда стояла плюсовая. Совсем незамеченной уйти не получилось. Когда моя черная фигура отделилась от стены и ринулась по улице Нор-Бона к городским домам, с юго-восточной вахты часовой поднял тревогу.

Под сигнальный гонг я неслась мимо трёхэтажных жилищ, не давая себе передохнуть и порадоваться удачному ходу операции. Гром металла прекратился, когда я завернула в вонючий переулочек с непромерзающими канавами для хозяйственных отходов. *Если срезать*

отсюда, я выйду к городскому рынку, вот уж где можно слиться с толпой, где лицо каждого второго странника скрыто под капюшоном. Если ничего за эти восемь лет не изменилось.

Я оглянулась через плечо — они должны были уже выехать. Отдышалась и пошла. Но топот лошадиных копыт заставил снова пуститься в бег. Когда до рынка оставалось полмили, а я вышла сквозь арку на просторный двор, взгляд уловил проскочившую сбоку тень. Всего секунда затемнения среди бело дня, но я обернулась и стала настороженно обводить глазами деревянные балки, посеревшие от времени, и каменные стены жилищ, с которых секунду назад посыпалась песочная крошка.

Что за чертовщина происходит?

— Иссак? — шепотом позвала я, но духа нигде не было.

Еще один призрак?

Я прошла ещё немного шагов, прислушиваясь к окружающей тишине. И когда уже совсем расслабилась и внушила, что всё это мне привиделось, меня что-то толкнуло сзади. Я упала лицом в снег, но быстро перевернулась и подняла нож.

— Убью, — язык сработал на рефлексах, и только спустя секунду, рукавом смахнув с лица холодную снежную маску, я поняла, как мало представляла свой побег.

На меня дышала огромная псиная голова. Мои потрясённые глаза агрессивно засияли желтым на угрозу, я замерла, всеми клетками тела ощущая трансформацию внутри себя. Нужно приотвориться мертвым телом — пададь отпугивает Церберов, этих королевских ищеек.

О нет, не отпугивает!

Он уже меня нашёл и, похоже, сбиться со следа уже не мог бы при всех моих внешних изменениях. Это конец. Он либо убьёт меня, либо, если я ещё нужна Болдуину живой, вырубит самым жестоким образом. Я проследила за жалом этого существа и мысленно застонала: "Я когда-нибудь от них сбегу? Да что же они находят меня постоянно?"

Если гигантский хвост попробует до меня дотронуться, клянусь, я отсеку эту его часть. Но почему тварь медлит? Что за команда у него? Мы кого-то ждём, а он охраняет, чтобы добыча не сбежала?

Большие, светящиеся огнём глаза неотрывно смотрели на меня. Всё гипнотизировали и устрашали. Зверь, казалось, внимательно изучал моё лицо.

Я медленно приподнялась на локте, держа перед собой точеное лезвие. Нет у меня времени тут отлёживаться. И как назло, агрессия во мне выходила из-под контроля.

— Эй, отпусти, — попробовала я договориться по-хорошему.

Хвост молниеносно обвил мне запястье, лапой цербер выбил из пальцев нож и сразу же прижал меня вновь к земле.

— А ты разумная, тварь! — прошипела я с досады. Но лапу с груди убрал.

Его черно-белый нос внезапно приблизился, и я замерла, не зная, что будет. Он ведь не разорвёт меня в клочья?

Прикрыв глаза, я натянула все свои нервы, но эта гадина вдруг начала меня лизать, и я ошеломленно на неё уставилась.

— Йоко?

Мне рыкнули в лицо и продолжили обнюхивать, вылизывая розовым шершавым языком нос, брови и лоб — стало холодно и жарко одновременно. Мороз быстро остужал слюни, и кожу щипало.

Какой же ты Йоко, ты...

— Йоко! — обрадовалась я и возмущенно оттолкнула подросшее животное. — Не надо, всё. Не надо. Я тоже тебе рада. — Встала, отряхнула мантию; а он привлек меня лапой к себе и обнял. Я чуть не задохнулась в шерсти, но кое-как мне всё же удалось освободиться. — А где ты потерял две головы?

Это было странно. Хотя что я знаю о церберах?
С капелькой отвращения вытерла слюни. Как он меня узнал, ума не приложу. Я ж страш-
ная.

Он тархтел, как самый настоящий гигантский пёс, коим и был, и я умоляла:

— Тише, пожалуйста, тише, дружок.

Вилял хвостом, и я отпрыгивала:

— Давай это, прекращай, Його. Твоё жало опасное, сам знаешь, дырявить друзей нехорошо.

Он издал скулёж и как-то очень жалостливо посмотрел на меня.

— Нет, Його, у меня дела, я с тобой не пойду, даже не уговаривай. Понимаю, у тебя работа, но что поделаться? Назад я не хочу. Они держат меня взаперти, представляешь?

Я говорила с собакой. С ума сойти.

Подобрала нож, раздражённо счистила с него снег.

Його посмотрел на меня вопросительно.

— Да, как тебя, — вздохнула я. — Мой дом — тоже клетка. Поэтому ты должен понимать, какие это отвратительные условия. Нет, прости, и взять с собой не могу. Пока не обустроюсь сама, питомцев держать негде. Ну, вот куда я с тобой? Ты большой, — объясняла я грустному псу. — Но когда тебя в следующий раз выпустят, найди меня, хорошо?

Не знаю как, но он меня понимал, и снова от радости завилял хвостом.

— А теперь иди. Мне нужно куда-то спрятаться. С тобой это трудно.

Його не шевелился, и я поторопила его шлепком:

— Давай же. Мы увидимся, но позже. Давай.

Он смиренно развернул своё огромное тело, чуть не ударив меня хвостом. Глянул напоследок за спину, не передумаю ли я, и обречённо потрусил сквозь каменную арку.

Поднималась метель. Седые волосы подхватывал ветер. Я глубже зарылась в капюшон и, опустив голову, шла к рынку.

Если ближайшие три часа меня не трогать, ведьма никого не тронет в ответ.

Глава 8. По-моему, ты выглядишь мертвой

Краткая история континента Восточный Ветер, или Мундусэрорис, если ориентироваться на ветхие летописи, такова. Нас прокляла Первая Ведьма, а за что — уже никто не помнит. По словам одних, кто-то сильно ее обидел. Кто-то из королевских кровей, предположительно соблазнительный мужчина, распутный. По книгам других — ей захотелось власти, а когда она её не получила, разозлилась так, что с её уст сорвалось проклятие такой большой силы, что даже сама она не отдала бы себе отчет, во что это позже выльется и какие масштабы обретёт одна импульсивная речь.

Как по мне, *мадама* отлично отдавала себе отчёт.

Вот с тех пор три королевства на материке и стали уязвимы. В обиход вошли названия: Королевство Немых, Королевство Глухих, Королевство Слепых. В каждой из стран всё больше и чаще рождались люди с отклонениями в органах чувств. Полноценные и здоровые однако тоже встречались на улицах, но их немного — излечившиеся алхимическим снадобьем. Но я слышала, Арчибальд Йох-Милль умер, следовательно его некому готовить, а запасы себя исчерпали.

Единственный флакон — новоиспеченной жене Болдуина... Тьфу на вас! Если Бью не поддастся, он не выдаст местонахождение украденного эликсира. Ну а если слабак — я даже за подставу просить прощения не стану, когда снова с ним увижусь.

Надо было куда-то излить злость. Я шаталась по рынку, и больше всего мне хотелось наброситься на каждого встречного, кто грубо сбивал меня плечом и при этом оскорблял, как будто я помеха на их золотом пути.

— А вот не сидится, — ерничала я холодно и не оборачивалась, чтобы выбить чью-то челюсть или выдернуть грязный язык.

Просто шла, не обращая внимания на примитивных животных. Остановилась только перед театральной вывеской. А прочитав, вскинула голову. Глиняно-красный дом с желтым строительным раствором на отштукатуренной парадной выступающей части здания, вверху которого были установлены белые часы с черными стрелками и цифрами под высокой остроконечной крышей, — приглашал на выступление виолончелистки из знатного сословия. Двенадцать минут до представления. Может, переждать внутри? Кто догадается искать сбежавшую принцессу там? Рынок и весь Нор-Бон опустел, можно было запросто нарваться на стражников.

Раздумывая, повернула голову направо: напротив театра, чуть дальше по улице, стояла таверна «Босая пятка». Повозки мчались резвее, подгоняемые кучерами. Никто не хотел застать снежную пургу, каждый желал поскорее доставить на место назначения последнего клиента и вернуться в теплый дом. Несмотря на сумятицу на дорогах, я спокойно перешла с левой стороны улицы на правую. В первую очередь монеты стоило тратить на еду.

— На тот свет торопись, безумная?! — крикнул мне хозяин возницы, придержав лошадь, скорее от испуга, ведь я уже проскочила. Другое дело, что я сделала это за секунду до столкновения. Но я умею просчитывать, чего орать так?

И почему из всех возничих мне попался именно говорящий? Глухой-переселенец что ли.

Не добившись реакции от безумной или хотя бы того, что обернусь, он погнал лошадь дальше, а я как ни в чем не бывало вошла в таверну и заняла самое неприметное место, чтобы и загадочной, сидящей в темном углу, не показаться, и не быть на виду.

Передо мной на стол положили расписанную чернилами бумагу. Завсегдаю, возможно, такая для заказа не требовалась, приносили "как обычно" со времен первого визита, но другим показывали меню — они чуяли, что я не местная.

— Какие блюда принести, странник?

Во мне не увидели девушку, поскольку длинные седые волосы я спрятала под мантию. Искося взглянула на мальчишку лет тринадцати, он стоял ждал, пока я выберу.

— Учусь в Академии, подрабатываю, — пояснил он без выражения, подумав, быть может, что я не спешу с заказом из любопытства к отсутствию у него немоты.

Но я, честно говоря, уже не удивлялась и ни к чему любопытства не выражала. Главное, не трогайте меня, и будете целы.

Ткнула в одно из названий и напротив сливового чая.

— Понял, — мальчик подхватил меню, один пенни и отошёл.

На моем столе догорела пятая часть свечи, прежде чем мне принесли горячий густой картофельный суп и на сдачу медный четвертак.

— Меню оставить или запомнили?

Они меня с поваром обсудить уже успели? Опять появился с бумажкой, едва ли инициатива безразличного усталого мальчика, вероятнее всего, о новом госте позаботился кто-то из тех, кого обуяла жадность.

Я нетерпеливо махнула рукой, чтобы над душой не стоял.

— Понял.

Первая ложка отправилась в желудок, при входе зазвенел колокольчик, кто-то вошёл. Мурашки пошли по коже, но это меня от горячего передернуло, тело потихоньку начало согреваться и меньше дрожать. Третий час на исходе, лицо пришло в норму, но волосы так же неестественно бесцветны. Я по-прежнему сидела в капюшоне, с которого капала талая вода.

Со спины гость выглядел обычным, и я не стала его разглядывать в полумраке таверны. Тихо ела, как и все, не привлекая внимание.

Раздался грохот: у кого-то кривые руки. Не придавала значения, из-за чего посуда полетела на пол; подняла глаза, только когда услышала:

— Ты немой или слепой? Я за это пиво заплатил, а ты его угробил.

Слова того мужчины, что зашёл последним. Равнодушно-раздражённый тон.

Я видела, как на него недобро глянул немой с рыжей бородкой и со старым звездчатым шрамом под левым глазом, словно от кончика клинка, которым хотели выколоть глаз, но промахнулись — и лезвие вошло в скулу.

— Чего глаза уставил? Пиво мне закажи, — потребовал тот, которому нипочем наглядная слава, отпечатанная на чужом лице.

Его манера говорить была типичной для гвардейца, прослужившего долго при дворе. Очень уверенное владение языком, такого мастерства не каждый способен добиться. Я настоженно стиснула ложку. Явился не в форме, выпивку заказал, чтобы усыпить мою бдительность, или правда оказался тут случайно?

Помедлив, продолжила черпать суп из чашки. Немой с презрением кинул ему медяки и повернулся спиной.

— Постой-ка. — Недовольный гость задержал его, привстав и схватив за плечо. — Разве я просил, чтобы ты подкинул мне монет? Я, по-твоему, нищий? Забирай и закажи именно то, что отнял. — Одним движением кисти собрал со стола деньги и без церемоний прижал тому к груди. Убрал ладонь, и монеты рассыпались. — Не люблю, когда берут мои личные вещи, а потом подсовывают пустышку.

Лицо рыжего посетителя побагровело от злости. И унижения, ведь соперник превосходил его уже хотя бы в том, что умел говорить. А он даже ответить не мог, в таких случаях в ход идут кулаки, тем удивительнее, что этого до сих пор не произошло.

— Господа, давайте разрешим спор мирно, — встрял мальчик, которого подослали взрослые с новой порцией хмельного пива в деревянной кружке. — Вот ваше пиво, господин художник.

Затем нагнулся, чтобы подобрать с пола медяки, два четвертака подал виновнику ситуации, но тот даже не посмотрел в их сторону, и мальчику не оставалось ничего иного, как положить две лишние монеты на свободный стол: если нужны, возьмут, если нет — себе присвоит, когда эти двое уйдут.

— Почему за тебя должен заступаться мальчик? — с невероятной скукой произнёс всё тот же человек с волосами достаточно длинными для мужчины, чтобы завязать их в хвост на затылке; борода была запущенной, и я не понимала, сколько ему лет.

Но тело казалось молодым, чувствовалась армейская выправка, вопреки разгильдяйскому внешнему виду. Неужели только поступил на службу? Почему не в воинской одежде, а в простой: лён да шерсть грубой выделки? Я думала, срочный созыв вынудил каждого выходного элитного воина и городского патрульного вступить в отряд по поимке одной опасной беглянки. Две сотни солдат принцессу разыскивают, а он тут штаны просиживает и на простой люд сетует.

Обиду всё же не стерпели. Кулак рыжебородого прошёлся по его подбородку, и «художника» опрокинуло на стол. Опять разлилось пиво, кружка закатилась под другой стол.

— Вот же... пиво опять разлил. И чем горло смочить, устал на тебя язык шевелить. Бесстыжий!

Рассерженный господин, лихо вскочив, что есть силы ударил противника и даже, взяв за грудки, протёр им стол так, что вся утварь отлетела. Он приблизился к чужому уху и прошептал почти нежно:

— И сколько раз я должен повторить, чтобы до твоего тупого ума дошло наконец, что пиво я привык пить не с пола, а с чистой еловой кружки? Зря ты посягнул на святое, ой зря. — Схватил за воротник, протащил потрясенного мужика по столу и отбросил в сторону, как дворовую собаку.

Соседские столы затряслись, возмущенные тоже встали, разминая кулаки.

И всё из-за одного глупца. Видите ли, кто-то покусился на его большую деревянную кружку пива. Более смехотворной причины надрать наёмникам зад и представить трудно.

Пора покинуть это место. Я отхлебнула чая, проглотила большими непрерывными глотками и уже засобиравшись на улицу, как вдруг дверь с резким колокольным стрекотом ударилась о стену и в таверну вошли трое гвардейцев в черных меховых шапках и со снежными погонями на бордовых плечах. Их пальцы держали рукоять мечей в ножнах, предупреждая волну недовольства.

— Всем оставаться на местах. Разыскивается опасная преступница, просьба сохранять порядок и не мешать, — потребовал главный из них.

— Та, кого вы ищите, сидит там, — небрежным жестом большого пальца указал пьяница-художник за плечо, причем ни разу до этого момента в мою сторону не взглянув.

Проклятье!

— Ублюдок, — процедила я, воображая его привязанным к костру.

Большинство амбалов и бандюг, трапезничающих между своими незаконными делами, уже поднялось со своих мест, почувствовав в незваных посетителях угрозу, так что мне оставалось только нырнуть в черный ход за их мощными спинами, пока те снова не присели.

— Пять сотен шиллингов тому, кто её поймают! Живой! — раздалось по залу таверны, и вслед за этим скрипнули ножки сразу нескольких стульев.

Подул холодный воздух. Меня развернули, и я с размаху распорол наёмнику горло. Капюшон отлетел с лица, и мои русые волосы рассыпались по плечам, описав обворожительный полукруг в воздухе. Запахло кровью; громила, прижав пальцы к порванной шее, свалился и перекрыл проход. В этот момент мои зеленые глаза встретились с *егосиними*, и я потеряла несколько драгоценных секунд. В свете зимнего солнца, брызнувшего в тусклый зал кабака, я

увидела знакомую синеву радужек и пряди с белым отливом волос. Он в отличие от всех и с места не сдвинулся, деньги ему были не нужны.

Всё-таки он жив. Всё-таки предал.

И сейчас сдал. Но знал ли кого?

Дышать стало труднее, и я пропустила миг, когда на меня вновь напали и попытались приставить к горлу нож. Наемный воин подумал, раз не сопротивляюсь, то и победа на его стороне. Но ухмылялся легкой добычей он недолго. Я пнула ему между ног, а потом вывихнула руку об косяк двери, кинжал в спину воткнула и выдернула. Тело от себя оттолкнула, оно упало замертво и присоединилось к обществу первого неудачника.

Подняла глаза на художника, по-мужски обросшего бородой, что изменился за восемь лет слишком сильно, и, более не колеблясь, выскочила в узкий переулок. Горячим потоком хлынули слёзы разочарования. Мой крик ушёл в глубокий колодезь, который я создала специально, чтобы моего хрипа не было слышно снаружи. Я вытерла рукавом кровь с щёк и постаралась укротить сердце.

Он ведь тогда обещал мне, но сам не пришёл. Ни даже на следующий день, ни через год. Всё это время он спокойно жил и не думал обо мне. *Предатель. Ещё один.*

Я ущипнула запястье ногтями, физическая боль помогла справиться, вытеснила абсолютно все эмоции. Стало спокойно. Тишина... Ничего внутри больше не дрожало, я взяла слёзы под контроль.

Впереди показался отряд гвардейцев, и мой замысел изменился, я повернула назад и побежала за задней стеной таверны, обогнула и стала подниматься обратно к главной улице. Когда мужчина внезапно очутился на моем пути, я резко притормозила и выставила вперед руку с уже окровавленным кинжалом.

Это был Фицджеральд. Он опустил безразличные глаза на сверкающую сталь и молча сделал шаг в сторону, словно бы пропускал и уступал мне дорогу. Такое поведение меня обескуражило.

Он держал руки в карманах. А видя, что медлю, не стал смущать и пошёл вниз по переулку. Думал, боюсь обернуться к нему спиной?

— И это всё? — удивилась я.

Фиц остановился.

— Есть язык, тем проще, — бросил он, не повернув головы. — Попроси кого-нибудь другого предоставить тебе убежище. Это не мое дело, не впутывай меня.

— Не впутывать? Ты сдал меня, — напомнила я с ощущением растерянности.

— Не люблю лишний шум. Если есть вероятность обойтись малой кровью, почему не выдать тебя? Откуда ж было знать, что ты молодая девушка да ещё убиваешь направо и налево?

— Не любишь шум, но устраиваешь драки? — скептично хмыкнула я.

— Никому не дано право трогать мою кружку пива, — сухо повторил он уже мне, как четверть часа назад тому, с кем нелепо повздорил.

— О, как раз это я поняла. Пиво для тебя что-то вроде тотема, которому ты поклоняешься.

Фиц лениво махнул рукой на прощание, разговор со мной его не интересовал.

— А ты знаешь, кто я? — спросила я всё равно.

Но бывший стражник спокойно спускался по переулку, намеренно игнорируя и меня, и вопрос.

— Не знаешь? А я тебя знаю.

Он сбавил шаг, смутно почувствовав, что я не так проста, но всё же продолжил идти.

— Фицджеральд Вундт-Милль, сын алхимика! — бросила я, и он резко повернулся, стал стремительно приближаться ко мне, и я инстинктивно начала отступать назад, ведь скорость он так и не скинул.

Он схватил меня за горло и пришил к стене:

— Откуда тебе известно обо мне? Кто. Ты. Такая?! — сурово отчеканил Фиц.

— Что, стало интересно? — прохрипела я мрачно, мой кинжал упирался острием в бок его живота.

Он выругался и разжал пальцы. Я непринужденно потерла шею.

— Не играй со мной. Я опасный противник, — предупредил он. — Отвечай, пока я не сделал тебе больно.

На приставленный к его плоти кинжал он не обращал ровным счетом никакого внимания. Вёл себя так, словно ему и усердия приложить не придётся, чтобы разобраться с такой, как я.

Меня разозлило, что он не считается со мной.

— А я разве тебе что-то должна? — в голосе у меня звенел холод. — Не моя вина, что кое-кто исчез восемь лет назад, как последний трус, и теперь не хочет вспоминать обо этом.

Его глаза потемнели от правды в моих словах и гнева, который они вызвали.

— Что ты знаешь? — его тон становился всё яростнее и тише.

— О тебе? Кроме имени, оказалось, ничего, — я жестко смотрела ему в глаза, потому что ненавидела так сильно, что убила бы.

В его голове ничего

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.